

ЧУЖОЕ ПРИЗНАНИЕ

В ЭФИРЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НАТАЛИ МОРРОУ

Натали Морроу

Чужое признание

<https://litres.ru/74273354>

SelfPub; 2026

Аннотация

В прямом эфире Мара Восс видит книгу, которую никогда не писала. На обложке стоит её имя. Внутри — признание в преступлении, о котором она предпочла бы забыть.

Через несколько часов интернет заполняет видео: Мара сама произносит каждое слово. Её лицо, её голос, её интонации. Всё её — кроме правды.

Пока полиция, издатели и миллионы зрителей решают, виновна ли знаменитая писательница, кто-то шаг за шагом переписывает её жизнь. Чтобы доказать, что признание чужое, Маре придётся вернуться туда, где когда-то началась её собственная ложь, и встретиться с человеком, чью историю она уже однажды присвоила.

Но что, если подделка знает о ней больше, чем она сама готова признать?

Содержание

Глава 1. Угадайте автора	5
Глава 2. Мой голос	32
Глава 3. Женщина из прошлого	58
Глава 4. До публикации	85
Глава 5. Совпадение	113
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Натали Морроу

Чужое признание

Чужое признание

Натали Морроу

2026

© Natalie Morrow, 2026

Все права защищены.

Настоящее произведение является художественным вымыслом. Имена, персонажи, места, организации и события являются плодом воображения автора либо используются в вымышленном контексте. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, а также с реальными событиями является случайным.

Никакая часть настоящего издания не может быть воспроизведена или распространена без письменного разрешения правообладателя, за исключением кратких цитат, используемых в обзорах и рецензиях.

Глава 1. Угадайте автора

— Сегодня в нашей студии женщина, которая восемь раз доказывала, что семейные тайны лучше всего хранятся рядом с трупом. Её книги переведены на тридцать два языка, три романа экранизированы, а новый психологический триллер уже вторую неделю возглавляет список бестселлеров. Прошу поприветствовать Мару Восс!

Зал взорвался аплодисментами. Я выждала ровно столько, сколько требовалось, чтобы моё появление не выглядело торопливым, но ещё не успело стать высокомерным. Телевидение вообще строилось на точных паузах. Задержишься за кулисами на две секунды дольше, и половина страны решит, что ты боишься выходить. Появишься слишком быстро, и та же половина решит, что ты отчаянно нуждаешься во внимании. Люди любили знаменитостей главным образом за возможность диагностировать им расстройства по походке.

Я вышла в студию под музыку, которую слышала уже дважды: на репетиции и в рекламном ролике шоу. В третий раз она звучала ещё бодрее, словно композитор лично надеялся, что я заплашу. Ханна Коул поднялась мне навстречу. Без каблучков она была сантиметров на десять ниже, но телевидение давно научилось исправлять подобные несправедливости. Ханна обняла меня ровно настолько тепло, чтобы зрители поверили в нашу многолетнюю дружбу, хотя до сегодняш-

него вечера мы обменялись шестью электронными письмами и одним рукопожатием.

— Наконец-то, — сказала она, когда мы сели в кремовые кресла, поставленные под таким углом, будто собирались обсуждать мою личную жизнь, а не новый роман. — Мы пытались заманить вас сюда почти два года.

— Я ждала, когда диваны станут удобнее.

Зал рассмеялся. Ханна провела ладонью по обивке.

— И как?

— Я всё ещё здесь только из уважения к вашей аудитории.

— Начинаем с лести?

— Я писательница. Мы называем это подготовкой читателя к разочарованию.

На экране за нами появилась обложка моего нового романа. Моё имя занимало верхнюю треть, название чуть меньше, силуэт женщины в освещённом окне — всё, что маркетинговый отдел считал необходимым для продажи очередной истории о плохо закончившемся браке. Ханна повернулась к камере.

— Ваша новая книга вышла всего две недели назад и уже стала номером один. Вы ещё радуетесь таким вещам или после восьмого бестселлера это превращается в обычный вторник?

— Я радуюсь каждый раз. Просто научилась делать это без свидетелей.

— Почему?

— Люди странно реагируют на чужой успех. Им нравится думать, что известные женщины просыпаются с чувством глубокой пустоты, смотрят на свои награды и плачут.

— А вы не плачете?

— Иногда. Когда вижу финальный вариант обложки.

Ханна рассмеялась вместе с залом. Она умела смеяться так, будто действительно услышала шутку впервые, хотя мои ответы были согласованы с её продюсером ещё вчера. Почти все ответы. Я всегда оставляла себе несколько живых реплик, иначе интервью начинало напоминать плохо отрепетированный допрос, только без права на адвоката.

— Вы известны тем, что не слишком бережны к собственным персонажам, — продолжила Ханна. — В новом романе снова погибает человек, которого читатели успевают полюбить.

— Это профессиональный риск.

— Быть любимым?

— Оказаться в моей книге.

— Ваш бывший муж читает ваши романы?

Вопрос не значился в списке. Я заметила, как за первой камерой шевельнулась Айрис. Она стояла возле мониторов с планшетом в руках и выражением лица человека, который только что мысленно уволил половину съёмочной группы.

— У него были годы, чтобы выработать осторожность, — ответила я.

— То есть читает?

— Саймон архитектор. Он предпочитает истории, в которых разрушение можно заранее рассчитать.

— Вы сохранили его фамилию после развода.

— У меня уже были контракты.

— Романтично.

— Брак вообще редко выдерживает бухгалтерскую проверку.

Зал отреагировал громче, чем требовалось. Где-то справа женщина хлопнула ладонью по колену соседки. Я улыбнулась ей, и она просияла. Через час эта улыбка могла появиться в её социальных сетях с подписью о том, что между нами возникла особенная связь. Умение смотреть на незнакомого человека так, будто он единственный в комнате, приносило писателю больше пользы, чем половина литературных премий. Ханна переложила карточки на коленях.

— Вы часто используете в книгах реальные разговоры?

Айрис снова напряглась.

— Все используют реальные разговоры. Большинство людей просто не получают за это аванс.

— Ваши близкие никогда не боятся узнать себя?

— Близкие обычно узнают себя в лучших персонажах. Даже когда я убиваю их на второй странице.

— А если серьёзно?

— Я и отвечаю серьёзно. Люди редко обижаются на то, что ты использовал их жизнь. Они обижаются, когда ты использовал её недостаточно лестно.

Ханна выдержала короткую паузу. В её глазах появился тот особый блеск, который возникает у ведущих, когда они чувствуют возможность вытащить из гостя что-то, чего не было в пресс-релизе.

— Значит, писатель имеет право брать чужую историю?

— Писатель имеет право смотреть, слушать и запоминать. Юристы потом объясняют, что именно из запомненного можно публиковать.

— Очень удобная позиция.

— Удобные позиции обычно и становятся популярными.

Она усмехнулась, но вопрос оставила. Я знала этот приём. Хороший интервьюер не спорит с человеком, когда может позволить зрителям сделать это за него. На экране сменились кадры: мои книги, красная дорожка на премьере экранизации, фотография с литературного фестиваля в Париже, ещё одна — с вручения награды, название которой я забывала сразу после каждой церемонии. Публике показывали мою жизнь так, будто она состояла исключительно из вспышек камер и людей, подающих мне бокалы шампанского. Никто не хотел видеть женщину, которая в три часа ночи спорит с одним абзацем, потому что слово «тишина» уже использовано двумя страницами выше. Это выглядело слишком похоже на работу.

— Восемь романов за восемнадцать лет, — сказала Ханна. — Вы помните, как написали первый?

— К сожалению.

— Почему к сожалению?

— В двадцать четыре года человек уверен, что каждое его наблюдение уникально. Потом взрослеет и понимает: человечество уже несколько тысяч лет изменяет, врёт, завидует и убивает примерно по одним и тем же причинам.

— Ваш первый роман сделал вас знаменитой почти мгновенно.

— Мгновенно — прекрасное слово для двенадцати отказов, трёх переписанных версий и года, когда я питалась кофе из автомата.

Это было правдой. Не всей, но для телевидения полная правда считалась дурным тоном. Она занимала слишком много эфирного времени и плохо смотрелась между рекламой зубной пасты и трейлером нового сериала.

— Вы всегда хотели стать писательницей?

— В детстве я хотела стать адвокатом.

— Что изменилось?

— Я поняла, что писателям разрешено придумывать доказательства.

Ханна рассмеялась и посмотрела в камеру.

— После рекламы мы поговорим о новом романе Мары, а ещё проверим, насколько хорошо она помнит собственные книги. Не переключайтесь.

Загорелась красная лампа над центральной камерой. Заиграла короткая музыкальная отбивка. Ханна продолжала улыбаться ещё секунду, затем лицо у неё расслабилось.

— Всё отлично, — сказала она, пока к нам подбежала девушка с пудрой. — Вы чудо.

— Это освещение.

— Нет, правда. Обычно авторы либо отвечают односложно, либо начинают пересказывать сюжет с детства главного героя.

— Поэтому их и пишут, а не показывают.

Девушка коснулась кистью моего лба. Я позволила ей убрать несуществующий блеск и посмотрела в сторону Айрис. Она подняла планшет, на экране которого было напечатано: «БЫВШИЙ МУЖ НЕ СОГЛАСОВАН». Я едва заметно пожала плечом. Саймон переживёт. Наш брак пережил меньше.

— Дальше игра, — напомнила Ханна. — Всё очень просто. Я читаю отрывок, вы называете книгу.

— А если ошибусь?

— Мы выложим запись в интернет и уничтожим вашу репутацию.

— То есть обычный четверг.

— Первые отрывки лёгкие.

— Именно так обычно говорят перед унижением.

Продюсер показал пять пальцев. Студия снова ожила. Публика заплодировала по команде. Ханна моментально вернула лицо женщины, безмерно заинтересованной каждым моим словом.

— Мы снова в эфире, и сегодня с нами Мара Восс. Мара,

вы написали восемь романов, три сборника рассказов и, как утверждает ваш издатель, около миллиона слов.

— Издатели всегда преувеличивают, когда речь не идёт о гонорарах.

— Мы решили проверить, насколько хорошо вы помните собственные книги.

За креслами появилась ассистентка и поставила на стол небольшую стопку книг обложками вниз. Я видела только тёмные корешки и белые стикеры, приклеенные к страницам.

— Правила простые, — продолжила Ханна. — Я читаю несколько предложений, а вы называете роман.

— Вы уверены, что мои читатели готовы узнать, что я не перечитываю собственные книги?

— Не перечитываете?

— Я знаю, чем всё закончится.

— Начнём с лёгкого.

Она взяла верхнюю книгу и открыла страницу со стикером.

— «В доме было слишком тихо. Такая тишина появляется только после ухода гостей или перед приездом полиции. Элизабет стояла на кухне и пыталась решить, какой из вариантов пугал её сильнее».

— «Комната без окон».

Раздался короткий звон, будто я правильно ответила на вопрос телевикторины о столице Франции.

— Верно! — Ханна показала обложку зрителям. — Как вы так быстро узнали?

— Я использовала слово «тишина» три раза на одной странице. Редактор напоминала мне об этом следующие пять лет.

— Вы считаете эту книгу неудачной?

— Она продалась тиражом в четыре миллиона. Я считаю её очень убедительной ошибкой.

Ханна отложила роман и взяла следующий.

— «Он назвал её дорогой, и Сара поняла, что в доме есть ещё одна женщина. Мужчины редко становятся нежнее без свидетелей».

— «После третьего звонка».

Снова прозвучал сигнал.

— Правильно. Вы помните, когда написали эту фразу?

— Судя по отношению к мужчинам, сразу после развода.

Публика загудела. Я улыбнулась, представляя, как Саймон завтра получит три сообщения от общих знакомых с вопросом, видел ли он интервью. Он ответит всем одинаково: «К сожалению». В этом мы до сих пор были похожи. Третий отрывок оказался длиннее.

— «Когда человек говорит, что готов рассказать вам всю правду, следует проверить, где находится ближайший выход. Правда редко приходит одна. Обычно она приводит с собой полицию, адвокатов и человека, который хочет, чтобы вы исчезли».

Я прищурилась.

— Это рассказ.

— Название?

— «Последний свидетель».

— Уверены?

— Я убила там адвоката степлером. Подобное не забывается.

— Верно!

Зал засмеялся. Ханна закрыла книгу.

— Кто-нибудь когда-нибудь просил вас придумать способ убийства?

— Постоянно.

— И что вы отвечаете?

— Прошу прислать имя жертвы и предполагаемый бюджет.

Она покачала головой, наслаждаясь реакцией публики.

— Остался последний отрывок. Продюсеры предупредили, что он самый сложный.

— Продюсеры любят драму. Иначе работали бы в бухгалтерии.

Ханна взяла нижнюю книгу. Она была толще остальных и лежала в простой чёрной суперобложке. Я решила, что это раннее зарубежное издание. Мои книги выходили в таком количестве вариантов, что иногда я видела новую обложку в аэропорту и несколько секунд пыталась понять, кто разрешил напечатать на ней моё имя. Ханна нашла закладку.

— Готовы?

— Уже поздно отступать.

Она начала читать:

— «Людам не нужна правда. Правда требует слишком много внимания и почти никогда не заканчивается там, где удобно. Им нужен человек, которого приятно ненавидеть. Желательно женщина. Желательно умная. Умных женщин ненавидеть легче: всегда можно сказать, что они всё рассчитали».

Я сохранила улыбку. Текст был мне незнаком. Это случилось реже, чем люди думали. Я могла забыть название второстепенного персонажа, переставить местами две сцены или не вспомнить, в какой книге убила человека на лестнице, а в какой — под лестницей. Но собственный текст я узнавала. Не словами. Ритмом. Так человек узнаёт шаги в коридоре, даже если не видит, кто идёт. Этот ритм был моим. Только я его не писала.

— Ну? — спросила Ханна.

В центральной камере загорелась красная лампа. Крупный план.

— Судя по скромности автора, это одна из ранних работ. Зал рассмеялся. Ханна заглянула в книгу.

— Нет.

— Тогда я надеюсь, что хотя бы неопубликованная.

— Не узнаете?

— Восемь романов, Ханна. Иногда я не узнаю собствен-

ные мысли уже через неделю.

Она улыбнулась, но книгу не закрыла.

— Прочитать ещё?

— Полагаю, именно для этого вы пригласили меня на телевидение.

— «Она назвала это кражей. Я назвала редактурой. Мы обе знали, что разница между этими словами измеряется деньгами, но только одна из нас была готова их заработать».

Под кожей между лопатками разлился холод. Я не пошевелилась. В студии было жарко. Свет бил прямо в лицо, под платьем к спине приклеился провод микрофона, а на запястье у Ханны тихо мигали часы. Я видела всё это с неприятной чёткостью, которую организм обычно приберегает для аварий, падений и момента, когда врач начинает фразу словами «нам нужно поговорить». Фраза была новой. Смысл — нет.

— Это уже звучит знакомее? — спросила Ханна.

— С возрастом многие обвинения начинают звучать знакомо.

— Значит, вы всё ещё не знаете название?

— Возможно, вы читаете мне плохой перевод.

Публика снова рассмеялась. Смех дошёл до меня с небольшой задержкой, будто находился за стеклом. Ханна перевернула страницу.

— Есть ещё один абзац.

— Вы явно получаете удовольствие.

— Огромное. «Ты прожила эту историю, сказала я ей. Я рассказала её лучше. После этого она перестала плакать. Некоторые люди принимают жестокость за честность, пока не слышат её в свой адрес».

На этот раз зал не рассмеялся. Ханна подняла глаза. Я знала эту фразу. Не точную пунктуацию. Не порядок слов. Сам момент. Комната с низким потолком. Закрытое окно. Чашка давно остывшего кофе на краю стола. Женщина напротив меня, слишком бледная и слишком злая, чтобы продолжать плакать. Нас было двое. Никто не записывал разговор.

Я положила одну руку на другую, чтобы камера не заметила, как большой палец впился в кольцо на среднем пальце. Ведущая ждала ответа. Семьдесят человек в студии ждали ответа. Несколько миллионов зрителей, вероятно, тоже. Удивительно, сколько людей могут одновременно смотреть на тебя и не заметить, что ты только что перестала нормально дышать.

— Хорошая фраза, — сказала я.

Голос прозвучал ровно.

— Ваша?

— Вы ведь собирались назвать книгу.

— Сначала попробуйте угадать.

— Название состоит из одного слова?

Ханна посмотрела на карточку, лежавшую между страницами.

— Да.

— Тогда выбор существенно сужается. Писатели любят короткие названия. Они оставляют больше места для имени автора.

— Сдаётся?

— Я предпочитаю формулировку «даю менее успешным людям шанс почувствовать победу».

Она рассмеялась и наконец повернула книгу обложкой ко мне. Я увидела собственное лицо. Фотография занимала заднюю часть суперобложки, но и на передней было достаточно моего имени.

МАРА ВОСС

ПРИЗНАНИЕ

Чёрный фон. Узкая полоска света под дверью. В нижнем углу едва заметный силуэт женской руки. Обложка выглядит профессионально. Не как сувенир, распечатанный фанатом в подвале, и не как реквизит, собранный телевизионным дизайнером за двадцать минут. Плотная матовая бумага, тиснение на имени, аккуратный корешок. Даже шрифт был похож на тот, которым издательство оформляло мои последние три романа.

— «Признание», — объявила Ханна. — Новый роман Мары Восс.

Зал заплодировал. Я смотрела на фотографию на задней обложке. Её сделали три месяца назад в закрытой студии для международной рекламной кампании. Айрис получила снимки неделю назад. Издательство ещё не успело их

утвердить. В интернете этой фотографии не существовало. По крайней мере, не должно было. Ханна протянула мне книгу.

— Кажется, нам удалось вас удивить.

— Поздравляю. Обычно для этого требуется увидеть отчёт о продажах в Германии.

Я взяла экземпляр. Он оказался тяжёлым. Около четырёхсот страниц.

— Так вы знали об этом сюрпризе? — спросила Ханна.

— Вы только что назвали это сюрпризом.

— Но это действительно ваша новая книга?

Вопрос прозвучал легко. Почти игриво. Камера приблизилась. На экране за нами появилась увеличенная обложка. Моё имя занимало столько места, что отрицать связь с книгой было бы трудно даже под присягой. Что за пиздец? Я провела пальцем по краю суперобложки и улыбнулась.

— Моё имя напечатано достаточно крупно, чтобы у зрителей не осталось сомнений.

— Вы уходите от ответа.

— Я писательница. Это называется создавать интригу.

— Издательство подготовило тайный релиз?

— Моё издательство любит держать меня в напряжении. Обычно они используют для этого сроки.

Ханна посмотрела в сторону продюсера. Тот что-то сказал ей в наушник.

— Наши сотрудники утверждают, что получили книгу се-

годня утром вместе с просьбой передать её вам в эфире.

— Значит, сотрудники отлично справились.

— От кого она пришла?

— Полагаю, именно это вы должны были выяснить до того, как показали её всей стране.

В её улыбке на мгновение появилось напряжение. Я сразу смягчила тон.

— Но тогда у нас не получилось бы такого прекрасного телевидения.

Зал снова засмеялся. Ханна расслабилась.

— Вы позволите прочитать посвящение?

Я открыла книгу раньше, чем она успела протянуть руку. На титульной странице стояла моя подпись. Не напечатанная. Выполненная чёрными чернилами. Почерк был достаточно похож, чтобы обмануть человека, который видел мои автографы на фотографиях. Петля в букве «М» получилась почти идеальной. Наклон фамилии тоже. Но последняя линия уходила чуть выше. Я всегда вела её вниз. Под подписью была дата. Вчерашняя.

— Кажется, автор уже подписал экземпляр, — сказала я.

— Автор — это вы.

— Именно поэтому я и удивлена такой предусмотрительности.

Ханна наклонилась, пытаясь рассмотреть страницу. Я перевернула её. Посвящение состояло из одной строки. Человеку, который однажды решил, что чужая боль нуждается в

хорошем редакторе. Я закрыла книгу.

— Очень трогательно, — сказала Ханна. — Кому это?

— Очевидно, редактору.

— Ваш редактор знает о книге?

— Через несколько минут узнает.

— То есть это всё-таки не было запланировано?

Она не собиралась отступать. Я почти уважала её за это. Почти.

— Ханна, любой автор скажет вам, что между написанием книги и её появлением в магазинах происходит столько хаоса, что слово «запланировано» становится юридическим термином.

— Но вы написали «Признание»?

Я посмотрела на неё. Три камеры. Красные лампы. Аудитория, внезапно переставшая кашлять и двигаться. Продюсер за монитором, который уже наверняка представлял заголовки завтрашних статей.

**«МАРА ВОСС НЕ УЗНАЛА СОБСТВЕННЫЙ РО-
МАН».**

«ТАЙНЫЙ РЕЛИЗ ИЛИ ПУБЛИЧНЫЙ СРЫВ?»

**«СТРАННАЯ РЕАКЦИЯ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ В ПРЯ-
МОМ ЭФИРЕ».**

Интернет способен превратить лишний вдох в признание вины. Я не собиралась снабжать его материалом бесплатно.

— Вы только что прочитали моё имя на обложке, — сказала я. — Давайте не будем лишать зрителей удовольствия

самостоятельно решить, чему верить.

Ханна приоткрыла рот, затем рассмеялась.

— Вы невозможны.

— Это указано в контракте.

Музыка начала играть раньше, чем она успела задать следующий вопрос. Продюсер показал, что до конца сегмента осталось тридцать секунд. Ханна повернулась к центральной камере.

— С нами была Мара Восс и, судя по всему, её загадочный новый роман «Признание». После короткой рекламы мы вернёмся с музыкальным гостем.

Аплодисменты поднялись снова. Я улыбалась, пока красная лампа не погасла. Потом ещё две секунды. Всегда нужно оставлять запас. Камеры иногда продолжают снимать после того, как человек решает, что его больше не видят. На таких секундах строилась половина скандалов. Ханна выдохнула.

— Я ничего не понимаю.

— Добро пожаловать в клуб.

— Это правда не было частью вашей кампании?

— У вас есть запись, кто доставил книгу?

— Я спрошу продюсера.

— Спросите сейчас.

Мой тон заставил её перестать улыбаться. К нам уже шли сотрудники. Один снимал с Ханны микрофон, другая женщина махала мне рукой, предлагая пройти за кулисы. Айрис появилась рядом раньше всех.

— Машина ждёт, — сказала она.

— Сначала нам нужна информация о доставке.

— Уже узнаю.

Я поднялась, прижимая книгу к боку. Ханна тоже встала.

— Мара, я правда не знала.

— Верю.

— Мы можем не использовать этот фрагмент в повторах.

Я посмотрела на неё.

— Конечно, можете.

Обе знали, что они используют его в каждом анонсе до конца недели.

— Пришлите Айрис всё, что у вас есть, — добавила я. — Упаковку, сопроводительную записку, записи с камер.

— Да. Разумеется.

— И не позволяйте сотрудникам фотографировать страницы.

Ханна быстро оглянулась. Слишком быстро. Кто-то уже сфотографировал. Я прошла за кулисы, пока студия готовилась к следующему гостю. Музыканты возились с инструментами, техники переносили стойки, девушка в блестящем платье спорила с визажистом. Мир продолжал работать. Всегда неприятно обнаруживать, что твой личный пиздец не влияет даже на расписание вечернего шоу. Айрис шла рядом.

— Дай книгу.

— Нет.

— Я хотя бы посмотрю.

— Ты увидишь её в машине.

— Это наша фотография на задней обложке?

— Да.

— Она ещё не опубликована.

— Я заметила.

— Селия знает?

— Пока нет.

— Нужно ей позвонить.

— Через десять минут.

— А юристу?

— Через пятнадцать.

— Полиции?

Я остановилась возле двери гримёрной.

— Кто-то прислал на телешоу книгу с моим именем. Это не преступление.

— Подделал подпись.

— Тогда полиция пришлёт специалиста по особо опасной каллиграфии.

Айрис не улыбнулась. Она была со мной четыре года и давно научилась различать моменты, когда сарказм означал, что я спокойна, и моменты, когда он был единственным, что удерживало меня от желания швырнуть что-нибудь в стену.

— Хорошо, — сказала она. — Десять минут.

В гримёрной пахло лаком для волос, нагретой косметикой и цветами, которые канал присылал каждому гостю, а

потом забирал для следующего. На столе стояла бутылка воды с трубочкой, рядом лежали мои серьги, запасная помада и телефон. Экран мигал уведомлениями. Фрагмент с книгой уже появился в сети. Прошло четыре минуты. Я закрыла дверь и повернула замок.

— Что ты делаешь? — спросила Айрис.

— Читаю.

— Сейчас?

— Я предпочитаю знать содержание книги до того, как начну отрицать её существование.

Я положила экземпляр на стол. Сняла суперобложку. Под ней оказался чёрный тканевый переплёт без названия. Тиснение на корешке было ровным. Каптал подобран в цвет. Тот, кто изготовил книгу, либо работал в издательстве, либо потратил слишком много времени на изучение процесса. Айрис взяла суперобложку и прочитала текст на задней стороне.

— Здесь твоя настоящая биография.

— Было бы обидно, если бы после восьми романов они перепутали университет.

— Указано агентство. Селия. Я.

Я посмотрела. В самом низу действительно стояло имя Айрис Лейн, названной моим исполнительным ассистентом. Должность была правильной. Даже формулировка совпадала с той, которую мы использовали в пресс-пакетах.

— Приятно, что тебя не забыли.

— Мне неприятно.

— Начинаешь понимать издательский бизнес.

Я открыла страницу с выходными данными. Издательство называлось «Блэкriver Пресс». Такого я не знала. Адрес в Нью-Йорке выглядел правдоподобно. Книжный номер состоял из нужного количества цифр, но контрольная сумма, насколько я помнила, не сходилась. Дата выпуска была назначена на следующий месяц.

— Проверь издательство и номер, — сказала я.

Айрис уже печатала в телефоне. Я вернулась к титульной странице. Провела пальцем над поддельной подписью, стараясь не касаться чернил. Они не размазались. Книга была подписана минимум несколько часов назад.

— Издательства нет, — сказала Айрис. — По адресу находится склад офисной мебели. Книжный номер принадлежит учебнику по стоматологии, выпущенному в две тысячи девятом.

— Значит, хотя бы зубы у книги настоящие.

— Мара.

— Что?

— Ты знаешь, кто это сделал?

— Пока нет.

Это была первая ложь за вечер. Я не знала имени человека, который напечатал книгу, отправил её на телевидение и подделал мою подпись. Но уже знала, откуда взялась фраза. Я перевернула страницу. Первая глава называлась «Хо-

роший материал». Текст начинался без эпиграфа.

«Когда я приехала в город, запах дыма уже исчез. Остались чёрные балки, белые ленты вокруг участка и люди, которые говорили тише обычного, словно мёртвые могли пожаловаться на шум».

Я перечитала предложение. Потом следующее.

«Мне было двадцать три. Я ещё верила, что чужая трагедия становится моей только после того, как человек сам решает о ней написать».

Айрис подошла ближе.

— Что там?

Я закрыла книгу.

— Ничего.

— Ты побледнела.

— Это освещение.

— В гримёрке?

— Оно преследует меня весь вечер.

Она смотрела слишком внимательно. Айрис была опасна своей компетентностью. Большинство людей легко обмануть, если говорить уверенно. Айрис обращала внимание на паузы между словами.

— Мне позвонить Селии? — спросила она.

— Позвони. Скажи, что телешоу получило поддельный экземпляр несуществующей книги. Пусть проверят утечку фотографий и доступ к архивам.

— Рассказать про текст?

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что я ещё не знаю, что именно там написано.

— Но ты узнала отрывок.

— Я узнала стиль.

— Свой?

Я посмотрела на книгу.

— Именно.

Телефон на столе снова загорелся. На экране появилось сообщение от Саймона.

«Нелл спрашивает, когда ты успела написать ещё одну книгу».

За ним пришло второе.

«Я тоже».

Я перевернула телефон экраном вниз.

— Мы уезжаем, — сказала я.

— К тебе или в офис?

— Домой.

— Селия захочет встретиться.

— Завтра.

— Она не согласится ждать.

— Тогда получит полезный жизненный опыт.

Айрис убрала телефон в сумку и открыла дверь. Я снова надела на книгу суперобложку. Моё лицо на задней стороне смотрело прямо в камеру, уверенное и слегка насмешливое. Фотограф сказал тогда, что именно такой меня хотят видеть

читатели. Он оказался прав. Женщина на снимке выглядела так, будто её невозможно застать врасплох. Я прижала книгу к груди и вышла из гримёрной. В коридоре нас ждал сотрудник шоу с прозрачным пакетом. Внутри лежали разорванный конверт и лист бумаги.

— Это упаковка, — сказал он. — Курьер оставил на ресепшене около полудня. Мы запросили записи.

— Кто принял доставку?

— Девушка на стойке. Курьер был в кепке и медицинской маске.

— Разумеется.

— Здесь была записка.

Он передал пакет Айрис. Через пластик виднелась одна напечатанная строка.

«Для игры. Последний отрывок».

Ни подписи, ни обратного адреса.

— Очень предусмотрительно, — сказала я.

Сотрудник переминался с ноги на ногу.

— Простите, мисс Восс. Мы думали, это часть промокампании.

— Именно на это и рассчитывал человек, который прислал книгу.

Он открыл рот, собираясь спросить что-то ещё, но я уже пошла к выходу. На улице нас встретили вспышки. Кто-то успел сообщить фотографам, через какую дверь я выйду. Они выкрикивали вопросы, протягивали телефоны, снима-

ли книгу в моих руках.

— Мара, что такое «Признание»?

— Когда выйдет роман?

— Почему вы не узнали собственный текст?

— Это секретный релиз?

— Вы правда не знали о книге?

Я остановилась у машины и повернулась к ним. Айрис тихо выругалась за моей спиной.

— Я рада, что новая книга уже вызывает такой интерес,

— сказала я.

— Вы её написали?

— Каждая книга становится немного чужой после публикации.

— Что это значит?

— Именно поэтому я предпочитаю писать, а не объяснять.

Я села в машину. Дверь закрылась, отрезав крики и вспышки. Айрис устроилась рядом, водитель тронулся. За тонированным стеклом фотографии ещё несколько секунд бежали следом.

— «Новая книга»? — спросила Айрис.

— Я сказала, что она новая. Это очевидно.

— Они решат, что ты подтвердила авторство.

— Они и так это решили.

— А если текст появится в сети?

— Тогда будем решать другую проблему.

Айрис посмотрела на экземпляр у меня на коленях.

— Ты действительно никогда его не видела?

— Никогда.

Это была правда. Приятное разнообразие. Она отвернулась к окну и начала писать сообщения. Я снова открыла книгу на первой главе.

«Когда я приехала в город, запах дыма уже исчез».

Я знала этот город. Знала дом. Знала женщину, которая сидела передо мной с забинтованными руками и рассказывала, как потеряла семью. Знала, какие документы она передала мне, кому обещала не показывать их и что сделала я, когда поняла, сколько может стоить хорошая трагедия. На обложке стояло моё имя. Внутри говорил мой голос. Но книгу написала не я.

Глава 2. Мой голос

Я жила на двадцать первом этаже дома, который Саймон когда-то назвал «дорогим доказательством того, что людям больше не нужны стены, если у них достаточно стекла». Он проектировал здания, поэтому имел право презирать чужие. Я платила за квартиру, поэтому имела право не слушать.

Айрис вошла следом за мной, не спрашивая разрешения. В обычный вечер она оставила бы меня у лифта, напомнила о завтрашнем расписании и исчезла до того, как я успела придумать ещё одну задачу. Сегодня у неё было выражение человека, который намерен проследить, чтобы я не уничтожила важную улику, карьеру или себя. Именно в таком порядке. Я положила «Признание» на кухонный остров.

На чёрной поверхности книга выглядела слишком уместно. Моё имя, моё лицо, аккуратное тиснение. Можно было решить, что я сама выбрала для неё место перед приходом фотографа. Телефон снова завибрировал. Селия. Восьмой звонок за сорок минут. Настойчивость была одним из качеств, благодаря которым она стала хорошим издателем и невыносимым человеком.

— Ответь ей, — сказала Айрис.

— Я только вошла.

— Она знает. Я отправила сообщение.

— Предательство в моей команде развивается быстрее,

чем я ожидала.

Айрис сняла пальто и повесила на спинку стула. В моём доме она ориентировалась лучше Нелл. Эта мысль появилась не вовремя, поэтому я тут же занялась вином.

— Тебе нельзя пить, — сказала Айрис.

— Почему?

— Возможно, придётся разговаривать с юристами.

— Большинство юристов становится выносимее после второго бокала.

— Твоего или их?

— Не вижу причин выбирать.

Я налила немного. Столько, чтобы жест выглядел естественным, и недостаточно, чтобы завтра кто-нибудь мог обвинить меня в принятии решений под воздействием алкоголя. Самые опасные решения я всегда принимала абсолютно трезвой. Телефон замолчал и сразу зазвонил снова.

— Если ты не ответишь, Селия придет, — предупредила Айрис.

— Она не знает код от лифта.

— Знает.

Я посмотрела на неё.

— Откуда?

— Ты дала ей.

— Когда?

— После вечеринки по случаю выхода «После третьего звонка». Ты сказала, что устала спускаться за людьми.

— Нужно чаще менять коды.

— Нужно реже раздавать их издателям.

Я приняла вызов и включила громкую связь.

— Селия.

— Что это за херня?

Никаких приветствий. В этом я всегда ценила её больше, чем вежливых людей.

— Добрый вечер и тебе.

— Я сейчас смотрю запись. У тебя в руках книга, о которой не знает издательство, агент и, судя по твоему лицу, ты сама.

— Моё лицо выглядело великолепно.

— Твоё лицо выглядело так, будто ты выбирала, кого уволить первым.

— Разве оно обычно выглядит иначе?

— Мара.

Я отпила вино.

— Книгу доставили на шоу сегодня утром. С письмом якобы от тебя. Подпись подделана.

На другом конце стало тихо. Селия умела замолчать так, чтобы человек почувствовал себя ответственным за возникшую паузу.

— Что внутри?

— Роман.

— Спасибо. Я знакома с концепцией книги.

— Тогда нам будет проще.

— Ты его писала?

Айрис подняла глаза от телефона.

— Нет.

Произнести это вслух оказалось неприятнее, чем я ожидала. До этого существовала маленькая лазейка: телевизионная игра, недоразумение, неудачный сюрприз, маркетинговая кампания, которую кто-то забыл со мной согласовать. После слова «нет» книга стала тем, чем была на самом деле. Чужим текстом под моим именем.

— Ты уверена? — спросила Селия.

— Я обычно помню четыреста страниц работы.

— Ты иногда не помнишь, что отправляла мне правки в три утра.

— Правки я помню. Формулировки в письмах — нет.

— Дай Айрис сфотографировать выходные данные, обложку, титульную страницу и всё, что может указывать на типографию. Ничего больше не трогай. Завтра утром передадим экземпляр юристам.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Значит, сегодня вечером книга остаётся у меня.

— Мара, человек использовал твоё имя, фотографию, подделал подпись и отправил это в прямой эфир. Это уже не литературная шутка.

— Поэтому я сначала прочитаю.

— Поэтому её сначала должен изучить юрист.

— Юристы плохо читают художественную литературу. Они всё время ищут факты.

— Именно факты нам сейчас и нужны.

Я посмотрела на книгу.

— В ней есть детали, которые юрист не узнает.

Селия не ответила сразу.

— Какие детали?

— Пока не знаю.

— Ты только что сказала обратное.

— Я сказала, что он их не узнает.

Айрис перестала печатать.

— Мара, — произнесла Селия уже тише, — ты понимаешь, кто мог это сделать?

— У меня восемь романов, два бывших агента, один бывший муж и интернет. Список получается неприлично длинным.

— Я спрашиваю не о фотографии. Я спрашиваю о тексте.

Я повернула бокал за ножку. Вино поднялось по стеклу тонкой тёмной полосой и медленно стекло обратно.

— Кто-то очень хорошо изучил мой стиль.

— Насколько хорошо?

— Достаточно, чтобы Ханна не заметила разницы.

— Ханна читает карточки, написанные стажёром.

— Достаточно, чтобы я заметила сходство.

Селия выругалась. Коротко и профессионально.

— Ничего никому не говори.

— Это был прямой эфир.

— Я говорю о том, что ты не автор. Пока мы не понимаем, что происходит, официальная позиция — издательство изучает необычную рекламную посылку.

— Какая удобная формулировка.

— У тебя есть лучше?

— Есть. «Кто-то напечатал поддельную книгу и выставил нас идиотами перед всей страной».

— Поэтому интервью даю я.

— Именно за это я тебе плачу.

— Ты платишь мне за то, чтобы я не позволяла тебе разговаривать с прессой без присмотра.

— И пока справляешься отвратительно.

Селия пропустила реплику.

— Утром у тебя встреча с юридическим отделом. В девять.

— У меня интервью для радио в девять.

— Уже нет.

— И фотосессия в одиннадцать.

— Посмотрим.

— Селия.

— Кто-то выпустил роман под твоим именем. Твоё расписание переживёт.

Она отключилась прежде, чем я успела ответить. Такой привилегией пользовались только люди, которые знали меня дольше десяти лет и были уверены, что их нельзя заменить

до понедельника. Айрис взяла телефон и начала фотографировать книгу.

— Только обложку и выходные данные, — сказала я.

— Я слышала.

— Посвящение тоже.

Она сделала снимок.

— Что означала фраза, которую читала Ханна?

— Какая именно?

— «Ты прожила эту историю. Я рассказала её лучше».

Я поставила бокал на стол.

— Авторская провокация.

— Ты её узнала.

— Я узнала тип провокации.

— Ты перестала дышать.

— Ты сегодня удивительно внимательна к моему дыханию.

Айрис опустила телефон.

— Я должна знать, во что мы вляпались.

— Ты должна проверить, кто имел доступ к фотографии, и выяснить, где изготовили книгу.

— А ты?

— Я буду читать.

— И скрывать от меня всё остальное?

— Это входит в социальный пакет.

Она смотрела ещё несколько секунд, затем снова взяла пальто.

— Я составлю список доступа к съёмке. Маркус, его ассистент, студия, международный отдел, Селия, агентство, французский издатель, дизайнеры.

— Добавь людей, которые работали с архивом аудиокниг.

— Зачем?

— Автор воспроизводит не только мои предложения. Он слышит голос.

— Ты думаешь, текст создали программой?

— Я думаю, что сначала его написал человек. Программа не стала бы ненавидеть меня настолько аккуратно.

Айрис застегнула пальто.

— Я останусь на связи.

— Возьми завтра выходной.

— У нас юридический отдел в девять.

— Тогда возьми выходной после юридического отдела.

— Это не выходной.

— Теперь ты понимаешь, почему сотрудники меня не любят.

Она подошла к двери, но остановилась.

— Нелл видела эфир.

— Уже?

— Тебя показывали в прямом эфире.

— Я всё ещё не привыкла к этой части телевидения.

— Она написала мне.

— Почему тебе?

— Потому что я отвечаю.

Удар получился точным, хотя Айрис даже не целилась.
— Что она спросила?
— Действительно ли ты написала тайную книгу.
— И что ты ответила?
— Что пусть спросит тебя.
— Очень предусмотрительно.
— Позвони ей.
— Сейчас поздно.
— Девять сорок.
— Для шестнадцатилетнего человека это середина дня.
Айрис открыла дверь.
— Именно.

Когда она ушла, квартира стала слишком тихой. Я редко замечала тишину дома. Обычно она была частью покупки: стекло, вид на реку, охрана, соседи, которые умели не здороваться в лифте, и отсутствие чужих звуков. Сегодня тишина не успокаивала. Она ждала. Телефон лежал на столе экраном вниз. Я перевернула его. Тридцать семь сообщений. Четыре от Саймона. Два от Нелл. Одиннадцать от людей, с которыми я не разговаривала годами, но которые внезапно почувствовали ответственность за мою литературную карьеру. Сообщение Нелл было коротким:

«Ты правда написала ещё одну?»

Второе пришло через семь минут:

«Папа говорит, что нет».

Приятно знать, что бывший муж сохранил уверенность в

собственном доступе к моей жизни. Я позвонила. Нелл ответила после третьего гудка.

— Привет.

В её голосе уже было подозрение. Она унаследовала его от отца. От меня ей досталась привычка не начинать неприятные разговоры первой.

— Ты смотрела шоу?

— Отрывок.

— Какой?

— Где ты не узнаёшь свою книгу.

Интернет работал быстро и жестоко. Для литературы он подходил идеально.

— Я её узнала.

— Ты пять минут угадывала.

— Я создавала напряжение.

— Ты всегда так говоришь, когда не знаешь ответа.

На заднем плане хлопнула дверь. Саймон что-то сказал, но я не разобрала.

— У тебя всё нормально? — спросила Нелл.

Вопрос был простым. Я всё равно потратила на ответ слишком много времени.

— Да.

— Это не звучало убедительно.

— Я писательница. Убедительность лучше работает на бумаге.

— Ты написала эту книгу?

— Нет.

В трубке стало тихо.

— То есть кто-то просто написал книгу и поставил твоё имя?

— Похоже на то.

— Зачем?

— Вот это я собираюсь выяснить.

— Там что-то плохое?

— Все хорошие книги содержат что-то плохое.

— Мам.

Она произнесла это без раздражения. Хуже. С тревогой.

— Я пока не знаю, Нелл.

— Папа говорит, тебе нужен адвокат.

— Твой отец считает, что адвокат нужен человеку сразу после рождения. Иногда раньше.

— Он рядом.

— Я догадалась.

Саймон взял телефон без приветствия.

— Что происходит?

— Добрый вечер.

— Мара.

— Почему все сегодня произносят моё имя так, будто я оставила плиту включённой?

— Нелл увидела видео. Её уже отметили под ним шесть раз.

Я сжала губы. Об этом я не подумала. Это было неприятно

признавать даже самой себе.

— Пусть закроет комментарии.

— Уже закрыла.

— Хорошо.

— Это всё?

— А что ты предлагаешь? Вызвать интернет на дуэль?

— Я предлагаю объяснить, что происходит.

— Мне прислали поддельную книгу.

— Тебе или телешоу?

— Телешоу. Для меня.

— Кто?

— Не знаю.

— Ты врёшь?

— Пока нет.

Саймон выдохнул. Я почти увидела, как он снимает очки и трет переносицу. Он делал так всякий раз, когда пытался решить, насколько сильно я его раздражаю.

— Что внутри?

— Роман, написанный от моего лица.

— О чём?

— Я ещё читаю.

— Мара.

— Что?

— Ты стала известной благодаря книге о реальной семье.

Сейчас кто-то выпускает «Признание» под твоим именем. Даже мне кажется, что между этими событиями есть связь.

— Поздравляю. Ещё один архитектор открыл для себя сюжет.

— Речь об Арденах?

Я подошла к окну. В стекле отражалась кухня, книга на острове и я с телефоном у уха. За отражением горел город.

— Возможно.

— Ты связалась с кем-нибудь из них?

— С кем именно?

— Не знаю. С дочерью.

— Нет.

— Как её звали?

Конечно, он помнил. Саймон всегда делал вид, что не читал мою первую книгу, но знал слишком много деталей для человека, который видел только экранизацию.

— Лия.

— Она жива?

— Насколько мне известно.

— Ты никогда с ней не общалась после выхода романа?

— Никогда.

— Она пыталась связаться с тобой.

Это не было вопросом.

— Несколько раз.

— Несколько?

— Саймон, мы развелись восемь лет назад. Я не обязана восстанавливать перед тобой архив входящих сообщений.

— Ты не обязана. Но кто-то использует историю этой жен-

щины, чтобы напечатать поддельную книгу с твоим именем. Возможно, сейчас подходящий момент перестать отвечать как на интервью.

Я промолчала.

— Нелл волнуется, — добавил он.

— Я поговорила с ней.

— Ты сказала, что всё нормально.

— Я сказала правду.

— Ты не знаешь, нормально ли всё.

— В таком случае я сказала наиболее полезную версию правды.

— Именно из-за подобных фраз мы и развелись.

— Нет. Мы развелись из-за того, что ты считал каждую мою фразу частью большой моральной проблемы.

— Ты использовала запись нашей семейной терапии в романе.

— Я изменила детали.

— Ты изменила пол психотерапевта.

— И интерьер кабинета.

— Блестящая маскировка.

Несмотря на себя, я улыбнулась. У нас всегда лучше получалось разговаривать после развода. Брак заставлял людей ожидать от слов последствий. Бывшие супруги могли позволить себе точность.

— Я разберусь, — сказала я.

— Не одна.

— Я не одна. У меня есть издатель, агент, юристы и Айрис, которая контролирует даже количество выпитого вина.

— Сколько?

— Недостаточно.

— Позвони, если понадобится помощь.

— Ты предлагаешь помощь или пытаешься защитить Нелл?

— А есть разница?

— Обычно да.

— Сегодня нет.

Он вернул телефон дочери.

— Ты позвонишь завтра? — спросила Нелл.

— Да.

— Правда?

— Я записала это в календарь.

— Очень смешно.

— Мне тоже понравилось.

— Спокойной ночи, мам.

— Спокойной ночи.

Она отключилась. Я ещё несколько секунд держала телефон у уха. Нелл называла меня «мам» только в начале или в конце разговора. В середине я обычно становилась Маррой, особенно когда её что-нибудь злило. Саймон считал это нездоровым. Я считала честным. Я положила телефон рядом с книгой и снова открыла первую главу. Молодая журналистка в тексте называлась Мэй. Слишком прозрачная замена.

Автор явно хотел, чтобы я узнала себя, но оставил тонкий слой вымысла на случай, если потребуется отрицать очевидное. Я оценила предусмотрительность.

Мэй приезжала в маленький прибрежный город через четыре дня после похорон. Дом почти полностью сгорел. В пожаре погибли женщина и девятилетний мальчик. Старшая дочь выжила, потому что ночевала в старом лодочном сарае на краю участка. Имён не было. Отец упоминался один раз: он находился на благотворительном вечере и вернулся, когда пожарные уже перекрыли дорогу. В книге всё выглядело знакомым и одновременно слегка сдвинутым, словно кто-то переставил мебель в комнате, где я давно не была. Город назывался Блэк-Пайн.

Настоящий назывался Грейхейвен. Мать в книге звали Кэтрин. В жизни — Эвелин. Мальчик стал десятилетним, хотя Оуэну было девять. Лодочный дом стоял ближе к воде. В реальности от него до берега тянулась полоса камней и сухой травы. Такие изменения делала я сама восемнадцать лет назад. Читала чужие письма и решала, что можно оставить. Смотрела на фотографии мёртвого ребёнка и выбирала возраст, который лучше работает в сцене. Девять казалось слишком маленьким. Десять звучало литературнее. Я закрыла глаза.

Это было глупо. Возраст не становится литературнее от одной цифры. Тогда я просто хотела почувствовать, что история принадлежит мне, потому что я способна изменить в

ней любую деталь. На двадцать шестой странице Мэй впервые встретилась с дочерью. Автор описал бинты на руках, выгоревшие пряди волос и привычку прятать большой палец левой руки в кулак. Я никогда не использовала последнюю деталь в своём романе. Сочла слишком мелкой. Лия делала так, когда злилась.

«Она сидела напротив меня и пыталась решить, можно ли доверять человеку с диктофоном. Я улыбалась. В двадцать три года я уже знала, что улыбка выглядит честнее любого обещания».

Я перелистнула страницу.

«Она сказала, что мать собиралась уйти от отца. Потом попросила выключить запись».

Я остановилась. Этого не было в официальной истории. Не было в моём романе. Не было в статье, которую газета в итоге так и не опубликовала. Лия сказала это в третью нашу встречу. Мы сидели в маленьком кафе рядом с мотелем. За окном шёл дождь, официантка трижды доливала кофе и делала вид, что не слышит разговор. Я выключила диктофон. Затем записала всё по памяти в блокнот. В книге Мэй поступала так же. У меня пересохло во рту. Я взяла бокал, но вино уже стало тёплым.

Текст продолжался спокойно. Без обвинений, без истерики. Именно это делало его хуже. Мэй входила в доверие. Привозила еду. Помогала разбирать коробки. Сидела рядом, пока дочь погибшей женщины читала письма матери. Обе-

щала, что материал не выйдет без согласования. Почти всё было правдой. Только в жизни я ни разу не привозила еду. Эта деталь раздражала сильнее остальных. Неизвестный автор сделал меня заботливее, чем я была. Я дошла до сцены с коробкой.

Лия передала мне дневники Эвелин, письма адвокату и копии финансовых документов. Тогда они казались набором непонятных цифр и семейных обвинений. Мне было двадцать три. Я хотела писать о чувствах, а не разбираться в страховых полисах, переводах между счетами и подписях под договорами. Гораздо интереснее выглядела ссора матери с дочерью за несколько часов до пожара. Соседи слышали крики. Лия ушла из дома. На её руках были ожоги. Отец находился среди сотни свидетелей на благотворительном ужине.

История уже выбрала виновную. Мне оставалось придать ей форму. В «Признании» Мэй читала документы внимательно. Автор позволил ей заметить то, чего я тогда не заметила или предпочла не замечать: изменённый страховой полис, готовящиеся бумаги о разводе, письмо Эвелин адвокату. В тексте письма не было дословной цитаты. Только одна строка:

«Если со мной что-нибудь случится, не позволяйте ему назвать это несчастным случаем».

Я встала из-за стола. Квартира слегка качнулась, хотя вино здесь ни при чём. Эта фраза была в одном из писем. Я

помнила бумагу. Кремовая, плотная, с инициалами Эвелин в верхнем углу. Помнила почерк, слишком ровный для женщины, которая боялась мужа. Помнила, как отложила лист и подумала, что люди в несчастливых браках часто драматизируют угрозы. Письмо никогда не публиковали. Полиция получила часть документов, но это письмо Лия хранила у себя. Коробку с остальными бумагами она передала мне раньше и позже потребовала вернуть.

Я вернула её после того, как сделала копии. Я подошла к бару и налила ещё вина. На этот раз Айрис не было рядом, чтобы испортить момент профессиональной этикой. Телефон снова засветился. Номер без имени. Я не ответила. В книге начиналась вторая часть. Мэй возвращалась в Нью-Йорк, писала роман и меняла историю так, чтобы читатель с первых страниц подозревал выжившую дочь. Отец оставался на заднем плане, благородный и разрушенный горем. Мать становилась холодной, контролирующей женщиной. Мальчик — безупречным ребёнком, существовавшим главным образом для того, чтобы смерть выглядела трагичнее.

Неизвестный автор разобрал мой первый роман как место преступления. Отмечал, какие детали я переставила. Что убрала. Что придумала. Где использовала фразы Эвелин. Где заставила персонажа, списанного с Лии, признаться в ненависти к младшему брату. В жизни Лия однажды сказала, что после рождения Оуэна чувствовала себя лишней. Я превратила это в мотив убийства. На полях не было заметок, но я

слышала комментарий автора в каждом абзаце. Вот здесь ты солгала. Вот здесь сделала боль красивее. Вот здесь выбрала версию, которую легче продать.

Я читала быстрее. Часть меня хотела закрыть книгу и передать её юристам. Другая уже не могла остановиться. Писатели плохо переносят чужие версии собственных поступков. Даже когда версия точна, хочется исправить пунктуацию. На странице сто двадцать восемь появился первый газетный заголовок после выхода романа Мэй.

«ВЫЖИВШАЯ ДОЧЬ УЗНАЛА СЕБЯ В УБИЙЦЕ».

На сто тридцать первой описывались угрозы. На сто тридцать пятой — интервью, в котором Мэй говорила:

«Люди часто узнают себя в художественных персонажах. Это не означает, что автор писал именно о них».

Я действительно это сказала. Почти слово в слово. Интервью до сих пор хранилось в сети. Автор мог просто его найти. Следующая сцена была другой. Лия пришла ко мне в гостиницу за день до большого книжного фестиваля. Тогда мой первый роман уже двенадцать недель держался в списках бестселлеров. В издательстве начали обсуждать зарубежные права. Я впервые жила в номере, где халат был мягче моих полотенец дома. Лия выглядела так, будто не спала несколько дней. Она требовала признать, откуда взялась книга. Я предложила деньги.

Этого не знал никто. Даже Саймон. Особенно Саймон. Я предложила Лии процент от будущих доходов при условии,

что она подпишет соглашение о конфиденциальности. Мой агент назвал это разумным решением. Лия назвала меня сукой. Мы обе были правы. В «Признании» сумма была указана точно. Пятьдесят тысяч долларов. Лия рассмеялась, когда я назвала цифру. Спросила, сколько стоит мёртвый ребёнок, если его имя изменить. Я ответила, что книга не о её семье. Она спросила, почему тогда я предлагаю деньги. Дальше шла та самая фраза.

«Ты прожила эту историю. Я рассказала её лучше».

Я захлопнула книгу. Часы показывали одиннадцать двадцать семь. В квартире стало душно. Я открыла окно, хотя кондиционер работал. Снизу поднялся шум города: сигнал машины, чей-то смех, сирена далеко на перекрёстке. Обычная жизнь продолжала раздражать своей устойчивостью. Книгу могла написать только Лия. Либо человек, которому она рассказала всё. Разница была небольшой. Я открыла ноутбук и ввела её имя. Лия Арден. Первые результаты появились сразу. Старые фотографии пожара. Статьи о романе.

Снимок двадцатилетней девушки с бинтами на руках, выходящей из здания суда. Заголовки, в которых её называли «дочерью из огня», «единственной выжившей» и «возможным прототипом литературной убийцы». Новых материалов не было. После скандала Лия исчезла из публичного пространства. Её отец заявил, что дочь проходит лечение и просит оставить семью в покое. Потом фонд Арденов выпу-

стиль короткое сообщение о её переезде. Я добавила фамилию Роуэн. Так звали Эвелин до брака. Появился профиль литературного редактора.

Лия Роуэн, тридцать восемь лет. Работала с документальной прозой, мемуарами и криминальными историями. Жила в Портленде. На фотографии была женщина с короткими тёмными волосами и тонким шрамом у виска. Я увеличила изображение. Восемнадцать лет изменили лицо, но не взгляд. Лия смотрела в камеру так же, как когда-то смотрела на меня в гостинице: будто уже знала ответ и хотела проверить, хватит ли у меня наглости солгать. На сайте не было телефона. Только форма обратной связи и адрес электронной почты. Я написала:

«Лия. У меня книга. Нам нужно поговорить. Мара».
Посмотрела на сообщение. Слишком мягко. Добавила:
«Сегодня».

Отправила. Ответа не было. Я нашла её профиль в профессиональной сети. Последняя публикация появилась три дня назад: фотография стопки распечатанных страниц и подпись «Иногда финал приходится переписывать, чтобы он наконец стал правдой». Под постом было двенадцать отметок. Один комментарий:

«Жду».

Аккаунт назывался Г. А. На аватаре не было фотографии. Я нажала на профиль. Пустой. Создан месяц назад. Телефон снова зазвонил. Тот же неизвестный номер. Я ответила.

— Мара Восс?

Женский голос. Низкий, хрипловатый.

— Кто спрашивает?

— Джун Холлоуэй.

Я закрыла глаза.

— Ты меняешь номер чаще, чем преступники в моих книгах.

— Журналисты называют это цифровой гигиеной.

Джун работала со мной в газете, когда мы обе ещё верили, что редакторы читают материалы до публикации. Она ушла в исследовательскую журналистику. Я — в художественную литературу. Мы дружили достаточно долго, чтобы месяцами не разговаривать и всё равно начинать с обвинений.

— Ты смотрела эфир? — спросила я.

— Полстраны смотрело эфир. Вторая половина уже посмотрела ролик.

— Очень полезная статистика.

— Ты не написала эту книгу.

Не вопрос.

— Почему все так уверены?

— Потому что я видела тебя, когда ты врёшь на камеру. Сегодня ты импровизировала.

— Я всегда импровизирую.

— Сегодня у тебя двигалась левая бровь.

— Это возраст.

— Это паника.

— Я не паникую.

— Ты звонишь мне в полночь?

— Ты позвонила сама.

— После сообщения Айрис.

Предательства становились системными.

— Мне нужен номер Лии Роуэн, — сказала я.

Джун замолчала.

— Значит, всё-таки Ардены.

— Мне нужен номер.

— Зачем?

— Спросить, написала ли она книгу под моим именем.

— Ты могла бы начать с извинений.

— Восемнадцать лет спустя это прозвучит как маркетинг.

— Потому что у тебя всё звучит как маркетинг.

— Джун.

Она выдохнула.

— Я пришлю номер. Он рабочий, зарегистрирован на редакторское агентство. И, Мара...

— Что?

— Не угрожай ей.

— Я не собираюсь.

— Не предлагай деньги.

Я посмотрела на страницу, где была указана сумма.

— Я больше не предлагаю людям пятьдесят тысяч. Инфляция.

— Господи, ты неисправима.

— Зато последовательна.

— Позвони мне после разговора.

— Возможно.

— Это означает «нет»?

— Это означает, что я создаю интригу.

Джун отключилась. Через минуту пришёл номер. Я набрала сразу. Один гудок. Второй. На третьем кто-то ответил, но ничего не сказал.

— Лия?

Тишина. Я посмотрела на экран, проверяя соединение.

— Лия Роуэн?

— Кто звонит?

Женщина. Голос другой. Спокойный, официальный.

— Мара Восс.

Пауза стала длиннее. На заднем плане кто-то говорил. Потом хлопнула дверь.

— Мисс Восс, откуда у вас этот номер?

— Он указан в профессиональном профиле Лии.

— Вы были с ней знакомы?

— Я звоню ей, значит, вероятно.

— Когда вы разговаривали в последний раз?

Мне не понравился вопрос.

— Восемнадцать лет назад. С кем я говорю?

— Детектив Наоми Рид.

Я посмотрела на книгу.

— Почему телефон Лии у вас?

— Где вы сейчас, мисс Восс?

— Дома.

— Вы одна?

— Это имеет отношение к моему вопросу?

— Мне нужно, чтобы вы оставались по этому адресу.

В комнате стало очень тихо.

— Что произошло?

Детектив снова выдержала паузу. Уже не для эффекта.

Она решала, сколько можно сказать.

— Сегодня вечером была обнаружена женщина. Документы принадлежат Лии Роуэн.

Я сжала телефон сильнее.

— Обнаружена живой?

Глупый вопрос. Настолько глупый, что ответ уже находился внутри него.

— Нет, мисс Восс.

Я посмотрела на чёрную обложку, на своё имя и слово «Признание».

— Где её нашли?

— Это мы обсудим лично.

— Она была убита?

— Оставайтесь дома. К вам уже едут сотрудники.

— Почему ко мне?

На этот раз детектив не стала делать паузу.

— Потому что рядом с телом нашли страницу из книги, автором которой указаны вы.

Глава 3. Женщина из прошлого

После разговора с детективом я ещё несколько секунд держала телефон у уха. В трубке уже звучали короткие гудки, но организм продолжал ждать объяснений. Возможно, извинений. На худой конец сообщения, что произошла ошибка и мёртвая женщина внезапно почувствовала себя лучше. Ничего не произошло.

На кухонном острове лежала книга. Чёрная обложка, моё имя, слово «Признание». В двух метрах от неё стоял наполовину пустой бокал. Обычная композиция из жизни писательницы, если не учитывать, что одна из книг была написана неизвестно кем, а владелица истории только что оказалась мертва. Я посмотрела на часы. Без семи минут полночь.

Детектив сказала, что сотрудники уже едут. В Нью-Йорке это могло означать всё что угодно: от восьми минут до следующего финансового квартала. У меня оставалось время вызвать адвоката, позвонить Селии и придумать версию событий, которая не начиналась словами «в двадцать три года я воспользовалась женщиной, потерявшей мать и брата». Я выбрала Селию. Она ответила сразу.

— Что теперь?

— Полиция едет ко мне.

В трубке что-то упало.

— Повтори.

- Медленнее или громче?
- Почему к тебе едет полиция?
- Лия Роуэн мертва.

Селия молчала три секунды. Я посчитала. В нашей профессии три секунды тишины обычно означали, что человек либо подбирает слова, либо мысленно вычисляет финансовые потери.

- Кто такая Лия Роуэн?
- Лия Арден.

Тишина стала другой. Селия знала фамилию. Все, кто имел отношение к моей первой книге, знали её, даже если делали вид, что роман возник из литературного таланта, бессонницы и удачно подобранного шрифта.

- Господи, — сказала она.
- Вряд ли он занимается издательскими правами.
- Мара, сейчас не время.
- Удивительно, как часто мне сегодня это говорят.
- Что случилось с Лией?
- Детектив не сообщила. Сказала, что рядом с телом нашли страницу из книги с моим именем.

Селия снова замолчала.

- Ничего не говори без адвоката.
- Они едут не арестовывать меня.
- Откуда ты знаешь?
- Обычно об аресте не предупреждают по телефону.
- Ты никогда раньше не была подозреваемой в убийстве.

— Наконец-то новый опыт.

— Мара.

— Я не убивала её.

Произнести это оказалось легко. Намного легче, чем сказать, что я не имела отношения к тому, что случилось с её жизнью.

— Хорошо, — сказала Селия. — Никуда не уходи. Я свяжусь с Чарльзом.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Не нужно присылать ко мне адвоката посреди ночи. Полиция задаст несколько вопросов, посмотрит книгу и уйдёт.

— Ты говоришь как персонаж, которого находят виновным в шестой главе.

— Мои персонажи редко могут позволить себе Чарльза.

— Именно поэтому он приедет.

— Селия, присутствие уголовного адвоката в квартире женщины, которая публично получила книгу о старом скандале за несколько часов до смерти прототипа, выглядит не лучшим образом.

— Полиция не снимает реалити-шоу.

— Зато их отчёты потом читают журналисты.

— Ты пытаешься контролировать картинку.

— Я всегда контролирую картинку.

— Сегодня у тебя отвратительно получается.

Я посмотрела на книгу. С этим трудно было спорить.

— Пусть Чарльз будет на связи, — сказала я. — Если разговор перестанет быть добровольным, я ему позвоню.

— Не подписывай ничего.

— Я умею читать.

— Именно это меня и пугает. Ты прочитала сто страниц чужого признания и решила самостоятельно звонить женщине, которая его написала.

— Я не знала, что она мертва.

— Полиция может решить, что знала.

— Тогда придётся объяснить им разницу между знанием и хорошей драматургией.

Селия выругалась.

— Я еду.

— Не надо.

— Это не вопрос.

Она отключилась. Я позвонила Айрис. Она ответила сонным голосом, хотя уехала меньше часа назад.

— Что случилось?

— Возвращайся.

Сон исчез.

— Полиция?

— Уже знаешь?

— Селия написала.

— Когда-нибудь я введу правило, запрещающее людям обсуждать мою жизнь быстрее, чем я успеваю её прожить.

— Я буду через двадцать минут.

— Возьми ноутбук и список доступа к фотографиям.

— Хорошо.

— И кофе.

— Для тебя?

— Для полиции. Я планирую выглядеть гостеприимной.

Айрис отключилась. Я убрала со стола бокал и бутылку. Не потому, что один бокал вина превращал меня в убийцу. Люди просто любили складывать удобные картинки: знаменитая писательница, тёмная квартира, алкоголь, мёртвая женщина из прошлого. Дальше им оставалось добавить тревожную музыку и фразу «соседи всегда считали её странной». Книгу я не тронула. Она лежала на виду.

Через пять минут позвонили из службы безопасности.

— Мисс Восс, к вам поднялись двое детективов. Наоми Рид и Дэниел Парк. Подтвердить доступ?

— Подтверждайте.

— Они вооружены.

— Спасибо. Теперь я чувствую себя значительно спокойнее.

Охранник не понял, шучу ли я. Это считалось профессиональным достижением. Я открыла дверь до звонка. В коридоре стояла женщина, чей голос я уже слышала по телефону, и мужчина лет тридцати пяти в тёмном пальто. Оба показали удостоверения. Наоми Рид выглядела моложе, чем я представляла. Около сорока, тёмные волосы собраны на за-

тылке, лицо спокойное, без привычного полицейского выражения, которое в сериалах означает «я знаю, что ты сделала». Её напарник был выше, молчаливее и заметно сильнее хотел оказаться дома.

— Мисс Восс?

— Полагаю, вы уже убедились по фотографиям.

— Можно войти?

— Вы сказали, что разговор добровольный.

— Да.

— Тогда можно.

Они прошли внутрь. Парк оглядел квартиру быстро и профессионально. Вид, коридор, двери, кухня. Люди всегда осматривали дорогие квартиры, но полицейские делали это так, словно искали место, где удобнее спрятать тело.

— Кофе? — спросила я.

— Нет, спасибо, — ответила Наоми.

— Вода?

— Тоже нет.

— Прекрасно. Я исчерпала навыки гостеприимства.

Она посмотрела на книгу.

— Это экземпляр, который вам передали в эфире?

— Да.

— Вы его читали?

— Часть.

— Сколько?

— Около трети.

— И после этого позвонили Лии Роуэн?

— Да.

— Откуда у вас её номер?

— Мне его нашла Джун Холлоуэй.

Наоми записала имя.

— Журналистка?

— Расследовательница. Иногда подруга. Эти роли плохо сочетаются.

— Почему вы не связались с полицией после получения книги?

— Потому что неизвестный человек напечатал роман под моим именем. На тот момент это выглядело как нарушение авторских прав, а не убийство.

— В тексте были угрозы?

— Были обвинения.

— В ваш адрес?

— В адрес героини.

Наоми подняла глаза.

— Героиню зовут Мара?

— Мэй.

— Очень тонко.

— Автор явно не рассчитывал на литературную премию.

Парк остался стоять у кухонного острова. Наоми села напротив меня, но блокнот не положила. Держала его на колене, ручку — между пальцами. Спокойные люди всегда действовали на меня хуже агрессивных. Агрессия выдаёт наме-

рение. Спокойствие приходится читать внимательнее.

— Расскажите о Лии, — сказала она.

— Что именно?

— Начните с того, как вы познакомились.

Я посмотрела на часы.

— Девятнадцать лет назад в Грейхейвене произошёл пожар. Погибли Эвелин Арден и её младший сын Оуэн. Лия и её отец выжили.

— Вы работали журналисткой.

— Да.

— Вас отправила газета?

— Я сама предложила материал.

— Почему?

— История была крупной.

— Два человека погибли.

— Именно это делает историю крупной.

Наоми не изменилась в лице. Возможно, уже составила предварительное мнение о моём характере. Приятно было избавить её от лишней работы.

— Вы брали у Лии интервью?

— Несколько.

— Она передавала вам личные документы?

— Да.

— Какие?

— Письма, дневники матери, копии бумаг, связанных с семьёй.

— И вы использовали их в романе.

Формулировка прозвучала как факт.

— Я написала художественную книгу, вдохновлённую реальными событиями.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который существовал в публичном пространстве восемнадцать лет.

— А здесь нет камер.

— У вашего напарника включён диктофон.

Парк посмотрел на устройство у себя в руке.

— Вы согласились на запись.

— Я не возражаю. Просто не люблю, когда люди называют разговор частным при работающей технике.

Наоми слегка наклонила голову.

— Вы использовали документы Лии?

— Некоторые детали.

— С её разрешения?

— Она разрешила мне изучить материалы для статьи.

— Для статьи, не для романа.

— Статья не вышла.

— Поэтому вы решили, что разрешение распространяется на книгу?

— Я решила, что история представляет общественный интерес.

— А Лия?

— Лия решила иначе.

— Она обвиняла вас в краже.

— Публично.

— Угрожала судом?

— Да.

— Подала иск?

— Нет.

— Почему?

— Спросите у её адвоката.

— Мы спросим. Вы предлагали ей деньги?

Вопрос пришёл слишком рано. Наоми заметила паузу.

— Кто вам это сказал? — спросила я.

— Значит, предлагали.

— Вы сделали вывод.

— Правильный?

Я откинулась на спинку стула.

— После выхода романа мой агент предложил соглашение. Лия получала компенсацию и подтверждала, что не будет предъявлять претензий.

— Какую компенсацию?

— Пятьдесят тысяч долларов.

Парк поднял взгляд.

— Восемнадцать лет назад это были большие деньги, — сказала Наоми.

— Сейчас тоже. Особенно если их не дают.

— Она отказалась?

— Да.

— Почему?

— Её интересовали не деньги.

— А что?

— Публичное признание.

— Чего именно?

— Что роман основан на истории её семьи.

— Было бы сложно признать?

— Юридически — да.

— Я спрашиваю не о юристах.

— Большинство моих сложностей начиналось с людей,

которые задавали вопросы без участия юристов.

Наоми закрыла блокнот. Не окончательно. Просто дала понять, что теперь слушает без видимой помощи.

— Когда вы в последний раз видели Лию?

— В гостинице после выхода романа. Восемнадцать лет назад.

— После отказа от денег?

— Во время.

— Она угрожала вам?

— Она была зла.

— Это снова не ответ.

— Лия сказала, что уничтожит мою карьеру.

— Вы ей поверили?

— В тот момент моя карьера состояла из одной книги и нескольких интервью. Уничтожение не требовало серьёзных ресурсов.

— Вы боялись её?

— Нет.

— Ненавидели?

— Я плохо знала её для ненависти.

— Вы использовали самые личные события её жизни.

— Это не делает людей близкими.

— Иногда делает врагами.

Я посмотрела на неё.

— Вы уже решили, что я убийца?

— Я решила, что вы тщательно подбираете слова.

— Это моя профессия.

— И моя.

Парк отошёл к окну. Его телефон коротко завибрировал, он прочитал сообщение и ничего не сказал.

— Почему вы позвонили Лии сегодня? — продолжила Наоми.

— Потому что в книге содержатся сведения, которые знали только мы.

— Какие?

— Разговоры.

— О чём?

— О романе. О документах. О том, что произошло между нами после публикации.

— Вы решили, что книгу написала она?

— Да.

— Всё ещё так думаете?

Я посмотрела на экземпляр.

— Большую часть — возможно.

— А меньшую?

— Я ещё не дочитала.

— Вы сказали по телефону, что не разговаривали восемнадцать лет.

— Это правда.

— Не переписывались?

— Нет.

— Она не пыталась связаться?

— Пыталась после выхода книги. Потом перестала.

— Когда именно?

— В течение первого года.

— Письма сохранились?

— Не знаю.

— Электронные?

— Бумажные. Тогда люди ещё тратили время на конверты.

— Что было в письмах?

— Обвинения. Требования. Иногда угрозы.

— Угрозы физической расправой?

— Нет. Лия хотела лишить меня карьеры, а не кислорода. Наоми открыла блокнот снова.

— Кто знал о вашем разговоре в гостинице?

— Лия. Я. Возможно, мой тогдашний агент знал об общей встрече.

— Имя?

— Генри Уолш. Он умер пять лет назад.

— Ваш бывший муж?

— Нет.

— Подруга Джун?

— Она знала о конфликте. Не о предложении денег и не о точных словах.

— Селия Грант?

— Она стала моим редактором позже.

— Айрис Лейн?

— Ей тогда было одиннадцать.

— Значит, фразы из книги могли исходить только от Лии.

— Либо от человека, которому она всё рассказала.

— Вы допускаете, что Лия передала кому-то материалы для книги?

— Она работала редактором. Умела писать. Допускаю, что она написала её сама.

— Зачем выпускать под вашим именем?

— Потому что под её именем книгу никто бы не заметил.

Мои слова прозвучали жёстче, чем я планировала. Наоми подняла бровь.

— Вы до сих пор так думаете о ней?

— Я говорю о рынке. Известное имя привлекает внимание.

— Даже если имя принадлежит человеку, которого она ненавидела.

— Особенно тогда.

В дверь позвонили. Парк посмотрел на Наоми. Та кивнула. На экране домофона появилась Айрис с двумя стаканами кофе и выражением человека, которому уже сообщили, что вечер окончательно испорчен. Я открыла. Айрис вошла, увидела детективов и замедлилась.

— Айрис Лейн? — спросила Наоми.

— Да.

— Детектив Рид. Это мой напарник, детектив Парк.

— Я принесла кофе.

— Мисс Восс предлагала.

— Она не умеет готовить.

— Я умею нажимать кнопку.

— Кофемашина сломана с понедельника.

Я посмотрела на неё.

— Почему мне никто не сообщил?

— Я сообщила. Ты ответила: «Переживём».

— Видимо, переоценила нас.

Айрис поставила стаканы на стол.

— Здесь список людей, имевших доступ к фотографии с обложки. И предварительная информация по типографии. Я ещё проверяю.

Наоми протянула руку.

— Можно посмотреть?

Айрис сначала посмотрела на меня. Я кивнула. На листе было двадцать три имени и четыре компании. Рядом с неко-

торами стояли даты доступа.

— Кто составил? — спросила Наоми.

— Я.

— Быстро.

— Это моя работа.

— У вас был доступ к фотографии?

— Да.

— К голосовым архивам мисс Восс?

— Да.

— К её дому?

— Да.

Айрис посмотрела на неё прямо.

— И к календарю, почте, документам и банковским данным. Именно поэтому я веду учёт доступа.

— Сегодня вечером вы были с мисс Восс?

— До десяти пятнадцати.

— Потом?

— Поехала домой.

— Есть подтверждение?

— Камеры в доме, поездка в приложении, консьерж. И кот, но он ненадёжный свидетель.

Парк впервые улыбнулся. Наоми — нет.

— Нам понадобится с вами поговорить отдельно.

— Сейчас?

— Завтра.

Айрис кивнула.

— Книгу можно посмотреть? — спросила Наоми.

Я подтолкнула экземпляр к ней. Она не взяла его сразу.

— Вы не возражаете, если мы наденем перчатки и осмотрим?

— Я возражаю против самой ситуации, но это вряд ли поможет.

Парк достал из кармана пару нитриловых перчаток. Наоми надела их, открыла обложку и внимательно посмотрела на титульную страницу.

— Подпись ваша?

— Подделка.

— Откуда уверенность?

— Последняя линия идёт вверх. Я веду вниз.

Наоми сравнила подпись с изображением в телефоне.

— Неплохо сделано.

— Спасибо. Всегда приятно получить качественную подделку.

Она перелистнула посвящение, затем выходные данные.

— Вы знаете «Блэкривер Пресс»?

— Его не существует.

— Мы проверили. Адрес принадлежит складу офисной мебели.

— Возможно, издательство просто очень плохо продаёт книги.

Наоми продолжила листать.

— До какой страницы вы дошли?

— Примерно до ста сороковой.

— Дальше не читали?

— Я искала Лию.

— Книга четыреста восемь страниц.

— Автор явно не уважает свободное время читателя.

— Страница двести семнадцать вам знакома?

— Нет.

Парк посмотрел на Наоми. Она закрыла книгу.

— Мисс Восс, во сколько вы приехали на телестудию?

— Около шести сорока.

Айрис вмешалась:

— Шесть тридцать восемь. Вход зарегистрирован.

— Когда ушли?

— Девять двадцать две, — ответила она.

— До студии где находились?

— Дома, затем в машине. Водитель забрал меня в пять пятьдесят.

— Кто может подтвердить?

— Водитель, охрана, камеры в лифте, камеры в лобби, камеры на парковке и, вероятно, несколько соседей, которые считают мой график общественным достоянием.

— После студии?

— Приехала сюда в девять пятьдесят одну, — сказала Айрис.

Наоми записала.

— Лию нашли в десять двадцать семь.

— Значит, хотя бы в этот раз телевидение оказалось полезным, — сказала я.

— Предварительное время смерти — между семью и девятью вечера.

Я почувствовала, как Айрис посмотрела на меня.

— В это время я была на студии.

— Мы проверим.

— В прямом эфире.

— Эфир начался позже.

— До него вокруг меня находилось человек двадцать.

— Мы проверим и это.

— Вы всё равно считаете, что я могла её убить?

— Я пока считаю, что женщина, с которой вы не разговаривали восемнадцать лет, написала книгу под вашим именем, приехала в Нью-Йорк и умерла в день, когда книга оказалась у вас в прямом эфире.

— Звучит плохо.

— Именно.

— Где её нашли?

Наоми посмотрела на напарника, затем снова на меня.

— В небольшом отеле в Нижнем Манхэттене.

— Она там остановилась?

— Номер был снят на три ночи.

— Под её именем?

— Под фамилией Роуэн.

— Как она умерла?

— Эту информацию мы пока не раскрываем.

— Даже мне?

— Особенно вам.

— Почему?

— Потому что некоторые детали известны только следствию и человеку, который находился в номере.

— Вы думаете, что я знаю детали.

— Я думаю, они есть в книге.

В комнате стало тише. Айрис перестала держать стакан обеими руками и поставила его на стол.

— Что именно нашли рядом с телом? — спросила я.

Наоми достала телефон. Несколько секунд искала фотографию, затем положила экраном вверх передо мной. На снимке был белый лист в прозрачном пакете. Верхний угол измят, на краю тёмное пятно. Печатный текст. Внизу номер страницы. 217.

— Это страница из такого же издания, — сказала Наоми.

— Тот же шрифт, бумага и размеры полей.

— Вы уверены?

— Эксперты сравнят. Пока выглядит идентично.

Я наклонилась ближе. Фотография показывала только нижнюю половину страницы. Текст был виден не полностью.

— Что там написано?

— Откройте свою книгу.

Наоми подвинула экземпляр обратно. Я открыла примерно посередине. Пальцы вдруг стали менее послушны-

ми. Страницы скользили одна за другой: двести девять, двести двенадцать, двести пятнадцать. Двести семнадцать. Глава называлась «После её звонка». Я начала читать.

«Она сидела за столом у окна, хотя видеть город уже не могла. Я выпрямила её спину, сложила руки поверх страницы и оставила лампу включённой. Люди выглядят спокойнее при хорошем освещении. Особенно мёртвые».

Я замолчала. Никто не торопил. Следующий абзац был короче.

«Телефон я положила справа. Я знала, что Мара позвонит. Любопытство всегда приводило её туда, куда не могла привести совесть».

Я подняла глаза. Наоми смотрела на меня без выражения.
— Телефон лежал справа от тела, — сказала она. — Руки были сложены поверх страницы. Лампа оставалась включённой.

Айрис медленно села на соседний стул. Я снова посмотрела на текст.

— Я этого не писала.

— Возможно.

— Что значит «возможно»?

— Это значит, что сейчас у нас есть ваше имя на книге, ваша подпись на титульной странице и описание места преступления, напечатанное до того, как тело нашли.

— Подпись поддельная.

— Вы так утверждаете.

— Книга появилась у меня в прямом эфире.

— И вы не сказали, что видите её впервые.

— Я находилась перед камерами.

— Вы позволили зрителям решить, что книга ваша.

— Я не собиралась устраивать истерику, пока не понимаю, что происходит.

— Теперь понимаете?

Я посмотрела на страницу двести семнадцать.

— Нет.

Наоми протянула руку к книге.

— Нам понадобится экземпляр.

Я не отпустила его сразу.

— На каком основании?

— Вы можете передать добровольно. Иначе мы получим ордер.

— Мне нужна копия.

— После регистрации вещественного доказательства ваш адвокат сможет запросить материалы.

— Я ещё не дочитала.

— Лия Роуэн тоже.

Фраза ударила неожиданно. Я отпустила книгу. Парк поместил её в прозрачный пакет, заклеил край и подписал бирку. Моё имя исчезло под полосой доказательной ленты. Наоми поднялась.

— Сегодня ночью никуда не уезжайте.

— Вы запрещаете?

— Советую.

— Очень разные слова.

— Тогда считайте это хорошим советом.

— Я редко им следую.

— Я уже заметила.

Она убрала телефон.

— Завтра мы пригласим вас в участок для официального разговора. Свяжитесь с адвокатом.

— Пять минут назад вы говорили, что разговор добровольный.

— Многое изменилось после страницы двести семнадцать.

Парк взял пакет с книгой. У двери Наоми остановилась.

— Ещё один вопрос. Лия назначала вам встречу сегодня вечером?

— Нет.

— В её календаре стоит запись: «М. Восс. После эфира».

— Я ничего об этом не знала.

— Тогда откуда она знала, что вы будете в эфире?

— Передачу рекламировали неделю.

— И откуда знала, что вы ей позвоните?

Я посмотрела на пакет в руках Парка.

— Потому что она знала меня.

— Спустя восемнадцать лет?

— Некоторые недостатки хорошо сохраняются.

Наоми открыла дверь.

— Спокойной ночи, мисс Восс.

— У вас странное чувство юмора, детектив.

— Я не шутила.

Они ушли. Дверь закрылась. Айрис стояла посреди кухни, глядя на место, где только что лежала книга.

— Ты знала, что там будет описание тела?

— Нет.

— Ты уверена?

Я повернулась к ней.

— Осторожнее.

— Я задаю вопрос.

— Именно.

— Полиция нашла мёртвую женщину рядом со страницей из книги под твоим именем. В книге написано, как лежало тело. Лия записала встречу с тобой. Я имею право спросить.

— Право тебе выдали вместе с должностью?

— Нет. Вместе с четырьмя годами, когда я защищала тебя от последствий твоих решений.

Она редко повышала голос. Сейчас каждое слово звучало громче предыдущего.

— Я не убивала Лию.

— Я верю.

Ответ пришёл слишком быстро.

— Но?

— Но ты что-то скрываешь.

Я посмотрела на дверь. За ней уже ехали вниз два детек-

тива с единственным экземпляром книги, которую мне требовалось дочитать.

— Разумеется, скрываю, — сказала я. — Я писательница. Открытые люди выбирают менее прибыльные профессии.

Айрис не улыбнулась. Телефон на столе завибрировал. На экране появилось сообщение от Джун:

«Я нашла, где Лия работала последние два года. И тебе это не понравится».

Я прочитала дважды.

— Что там? — спросила Айрис.

Я показала экран. Она взяла свой кофе.

— Позвони ей.

— Полиция советовала оставаться дома.

— Телефон пока не считается транспортным средством.

Я набрала Джун. Она ответила сразу.

— У тебя полиция?

— Уже уехала.

— Забрали книгу?

— Да.

— Ты успела дочитать?

— Нет.

— Плохо.

— Спасибо, Джун. Твоя способность поддержать человека остаётся уникальной.

— Лия последние два года работала над мемуарами Грэма Ардена.

Я не сразу поняла смысл. Имя прозвучало знакомо и далеко, как название города, в котором когда-то случилось что-то неприятное.

— Её отца?

— Да.

— Они не общались.

— Видимо, начали. Проект назывался «После огня». Официально — воспоминания отца, потерявшего жену и сына. Лия значилась литературным редактором.

Айрис смотрела на меня.

— Откуда информация?

— От человека в агентстве. Проект закрыли три месяца назад.

— Почему?

— Грэм отказался от публикации.

— И что?

— Через неделю Лия начала рассылать собственную рукопись.

Я посмотрела на пустое место на столе.

— «Признание».

— Вероятно.

— Кто видел её?

— Пока не знаю. Но один из редакторов сказал, что в финале Лия собиралась назвать человека, который всё это время лгал о пожаре.

— Меня?

— Он не читал финал. Лия его не прислала.

— Тогда откуда знает?

— Она написала в письме: «Последняя глава вернёт историю настоящему убийце».

В квартире снова стало тихо. Айрис первой нарушила молчание.

— Что это значит?

Я подошла к окну. Внизу по улице двигались машины. На противоположном берегу горели огни. Город выглядел спокойным, когда смотреть на него достаточно высоко.

— Это значит, — сказала я, — что книга была написана не только обо мне.

Глава 4. До публикации

К восьми утра меня уже убили трижды. В первой версии я задушила Лию в гостиничном номере после многолетнего конфликта. Во второй наняла человека, потому что знаменитые писательницы, по мнению интернета, обязательно располагают отдельным бюджетом на убийства. В третьей Лия покончила с собой, заранее оставив книгу, которая должна была разоблачить меня после смерти.

Последняя теория пока нравилась людям больше остальных. В ней были месть, литературная символика и возможность обсуждать психическое состояние женщины, которую никто из комментаторов никогда не встречал. Хештег с моим именем занимал второе место. Первое удерживало слово «ПРИЗНАНИЕ». Я лежала на диване в кабинете, смотрела на экран телефона и думала, что человечество всё-таки зря получило круглосуточный доступ друг к другу.

Спать я не пыталась. После ухода полиции Айрис осталась до трёх, Селия приехала в половине второго с уголовным адвокатом, которого я просила не приглашать, а Джун звонила ещё дважды. К пяти утра квартира снова опустела. Я провела следующий час, перечитывая новости о себе, хотя много лет советовала людям никогда этого не делать. Советы вообще удобнее давать, чем соблюдать. На экране появилось новое сообщение от Нелл.

«Сегодня в школу не пойду».

Я села.

«Почему?»

Ответ пришёл сразу.

«Потому что половина школы считает, что ты убийца.

Вторая половина хочет фото книги».

Я набрала её номер. Она сбросила. Позвонила ещё раз. На этот раз Нелл ответила.

— Я не хочу разговаривать.

— Ты сама написала.

— Я сообщила.

— Это уже почти разговор.

На заднем плане звучала вода. Видимо, она была в ванной или на кухне. У Саймона всё утро начиналось с воды: кофемашина, душ, полив растений. Человек мог пережить развод, но не пересохший фикус.

— Папа сказал, я могу остаться дома, — произнесла Нелл.

— Правильно сказал.

— Я знаю.

— В школе кто-то тебе угрожал?

— Нет.

— Писал лично?

— Мам, мне шестнадцать. Когда люди хотят унижить тебя, они не пишут лично. Они выкладывают видео и делают вид, что это юмор.

— Пришли мне ссылки.

— Зачем?

— Я передам их юристам.

— И что они сделают? Подадут в суд на весь десятый класс?

— Иногда достаточно одного.

Она тихо фыркнула. Это было уже лучше.

— Ты в порядке? — спросила я.

— А ты?

— Я первая спросила.

— Очень взрослая тактика.

— Я мать. Мне разрешены дешёвые приёмы.

Нелл помолчала.

— В новостях пишут, что возле тела нашли страницу из твоей книги.

— Из книги с моим именем.

— Это не одно и то же?

— В данный момент принципиально разное.

— Полиция тебе верит?

— Полиция никому не верит. За это им платят.

— А папа?

— Спроси у него.

— Я спрашиваю тебя.

Я встала с дивана и подошла к окну. Утро было серым, река за стеклом казалась металлической. На набережной бежали люди, которые ещё не знали, что сегодня проведут несколько часов, читая комментарии о женщине, убитой в

гостинице.

— Твой отец знает, что я не убивала Лию.

— Он сказал, что уверен в этом.

— Вот видишь.

— Потом сказал, что ты всё равно что-то скрываешь.

Я закрыла глаза. Саймон всегда умел испортить собственную поддержку точностью.

— У нас с твоим отцом разные представления о личных границах.

— Он говорит, что ты называешь личными границами всё, о чём не хочешь отвечать.

— Поэтому мы больше не женаты.

— Вы оба ужасные.

— Это была одна из немногих вещей, в которых мы совпадали.

Нелл молчала несколько секунд.

— Ты знала эту женщину?

— Да.

— Хорошо знала?

— Когда-то.

— Она правда была той девушкой из истории, на которой основан «Дом у моря»?

Я не ответила сразу. Тишина между нами стала тяжёлой.

— Значит, да, — сказала Нелл.

— Роман не был биографией.

— Я не спрашивала, был ли он биографией.

— Нелл...

— Ты использовала её семью?

Слово прозвучало просто. Без журналистских оборотов, юридических оговорок и привычного «вдохновлено реальными событиями». Использовала. Я прислонилась лбом к холодному стеклу.

— Я написала книгу на основе истории, о которой узнала, когда работала журналисткой.

— С её разрешения?

— Она соглашалась на статью.

— Не на книгу.

В шестнадцать лет мораль обычно выглядит очень чётко. Люди либо хорошие, либо плохие. Обстоятельства существуют только у тех, кого любишь.

— Нет, — сказала я. — На книгу она не соглашалась.

Нелл выдохнула.

— Почему ты никогда не рассказывала?

— Потому что люди редко строят карьеру на историях, которые хорошо звучат за семейным ужином.

— Ты могла рассказать мне.

— Когда?

— Не знаю. Когда я прочитала твои книги. Когда спросила, откуда берутся идеи. Когда ты водила меня на премьеру фильма, где девочка убивает свою семью.

Каждая фраза попадала точно. Я предпочла бы снова разговаривать с Наоми Рид.

— Я не думала, что это имеет к тебе отношение.

— Всё, что ты делаешь, потом имеет ко мне отношение.

Просто обычно позже.

На заднем плане послышался голос Саймона.

— Нелл, дай мне телефон.

— Нет.

— У тебя урок через десять минут.

— Я не иду.

— Онлайн.

— Это всё равно урок.

— Тогда тем более.

Нелл вздохнула.

— Мне надо отключаться.

— Я приеду вечером.

— Зачем?

— Увидеть тебя.

— До убийства ты собиралась приехать?

Вопрос прозвучал слишком быстро, чтобы быть подготовленным. Я посмотрела на календарь в телефоне. На сегодняшний вечер там стояли ужин с режиссёром и закрытая встреча с инвесторами экранизации. Нелл не было.

— Нет, — ответила я.

— Тогда не надо.

Она отключилась. Я осталась у окна с телефоном в руке. Моя дочь умела превращать одну честную фразу в более эффективное оружие, чем сотня обвинений в интернете. Я мог-

ла бы гордиться, если бы не была целью. В дверь позвонили. На экране стоял Чарльз Беннетт. Рядом с ним Селия держала два кофе и выражение женщины, которая провела ночь, подсчитывая потенциальные убытки. Я открыла.

— Ты ужасно выглядишь, — сказала Селия.

— Доброе утро.

— Я предупреждала, что нельзя разговаривать с полицией без адвоката.

— Они задавали вопросы в моей квартире.

— Именно там люди говорят больше всего лишнего. Чувствуют себя хозяевами.

Чарльз снял пальто и повесил на крючок. Ему было около пятидесяти пяти. Седые волосы, спокойное лицо, костюм, который стоил достаточно дорого, чтобы человек рядом автоматически чувствовал себя виновным.

— Мисс Восс, — сказал он.

— Мы знакомы десять лет. Можно продолжать делать вид, что я не ваша клиентка до первого обвинения.

— После ночного разговора с полицией вы уже моя клиентка.

— Как быстро всё развивается.

Селия поставила кофе на стол и увидела пустое место, где лежала книга.

— Они забрали экземпляр?

— Да.

— Ты позволила?

— Альтернативой был ордер.

— С ордером хотя бы не возникает впечатления добровольного сотрудничества.

— Я сотрудничала добровольно.

— Вот это и пугает.

Чарльз открыл кожаную папку.

— Нам нужно восстановить разговор дословно.

— Запись делала полиция.

— Их запись принадлежит им. Меня интересует ваша.

— Я не записывала.

— Тогда рассказывайте.

Я рассказала. Не всё. Чарльз слушал без комментариев, лишь иногда поднимал глаза и уточнял формулировки. Селлия ходила по кухне, проверяла телефон и каждые несколько минут останавливалась, услышав очередную деталь, которую я раньше не считала нужным сообщать. Когда я дошла до пятидесяти тысяч долларов, она перестала ходить.

— Ты предлагала Лии деньги?

— Мой агент предложил соглашение.

— Ты была на встрече?

— Да.

— Значит, предлагала ты.

— Формально агент.

— Господи.

— Он умер. Не думаю, что возражает.

— Почему я не знала?

— Ты стала моим редактором после второго романа.

— Мы работаем вместе шестнадцать лет.

— И ни разу не обсуждали мои неудачные попытки купить молчание.

— Это не неудачная попытка. Это мотив.

Чарльз поднял ладонь.

— Селия права.

— Как приятно, что вы нашли друг друга.

— Мисс Восс...

— Мара.

— Мара, следствие увидит следующее: вы получили широкую известность благодаря роману, основанному на истории семьи Лии Арден. Она публично обвинила вас в использовании личных материалов. Вы предложили ей деньги. Она отказалась и пообещала уничтожить вашу карьеру. Спустя восемнадцать лет она пишет книгу под вашим именем, где раскрывает обстоятельства конфликта.

В день передачи книги в эфир её находят убитой. Рядом лежит страница, заранее описывающая место преступления.

— Я была в телестудии.

— Предварительное время смерти охватывает период до эфира.

— В пять пятьдесят меня забрал водитель. В шесть тридцать восемь я вошла в студию.

— А Лия могла умереть раньше?

— Полиция сказала: между семью и девятью.

— Предварительно. Время изменится после вскрытия.

— Прекрасно. Надеюсь, патологоанатом уточнит в мою пользу.

— Вы когда-нибудь бывали в отеле, где нашли тело?

— Я даже не знаю название.

— Полиция знает, что вы не знаете?

— Они не сказали.

— Ваш телефон, автомобиль и дом будут проверять.

— Пусть.

— Облачные хранилища, переписку, удалённые файлы.

— Пусть.

Селия посмотрела на меня.

— У тебя есть что-то, что они могут неправильно истолковать?

— Конечно. Я профессиональный автор убийств.

— Я серьёзно.

— У меня восемь рукописей, сотни поисковых запросов о ядах, удушении, расчленении и способах удалить кровь с ткани. Если полиция откроет историю браузера писателя, она либо закроет дело, либо арестует весь союз авторов.

Чарльз не улыбнулся.

— Вы искали что-нибудь, связанное с отелями, Лией или способом её смерти?

— Я не знаю способ смерти.

— Пока.

Слово прозвучало неприятно. Селия достала планшет.

— Официальное заявление готово.

Она прочитала:

— «Мара Восс не является автором книги под названием „Признание“ и впервые увидела экземпляр во время вчерашнего эфира. Мисс Восс сотрудничает со следствием по делу о смерти Лии Роуэн. Из уважения к семье погибшей дополнительные комментарии предоставляться не будут».

— Убери «из уважения к семье», — сказала я.

— Почему?

— Потому что семья состоит из отца, с которым она не разговаривала много лет.

— Откуда ты знаешь?

— Джун выяснила.

— Это не причина.

— Это фальшь.

Селия посмотрела на меня так, будто я только что пожаловалась на неэтичность рекламы.

— Мы обсуждаем публичное заявление, Мара. Оно обязано быть нейтральным.

— Нейтральность — это ложь, с которой согласился юридический отдел.

— Оставим фразу, — сказал Чарльз.

— Разумеется.

— И никаких самостоятельных комментариев.

— Я умею молчать.

Селия рассмеялась без веселья.

— Ты построила карьеру на обратном.

Телефон Чарльза зазвонил. Он посмотрел на экран и вышел в коридор. Селия села напротив меня.

— Мне нужно знать всё.

— Ты знаешь достаточно.

— Нет. Я знаю, что твой первый роман основан на реальном пожаре. Знаю, что Лия обвиняла тебя в краже материалов. Теперь выясняется, что были деньги, личные письма и встреча в гостинице. Что ещё?

Я открыла кофе. Он уже остыл.

— Я скопировала документы, которые она дала мне для статьи.

— Какие документы?

— Письма Эвелин. Дневники. Финансовые бумаги.

— Где копии?

— Не знаю.

— Ты их уничтожила?

— Возможно.

— Это слово сейчас запрещено.

— Тогда неточно помню.

— Когда видела их в последний раз?

Я попыталась восстановить. Старая квартира. Коробки после свадьбы. Первый переезд. Саймон складывал мои бумаги по годам, потому что считал хаос личным оскорблением.

— До переезда к Саймону.

— Которого?

— После рождения Нелл.

— Значит, копии могли остаться у него?

— Не думаю.

— «Не думаю» тоже запретим.

— Ты решила заменить мне адвоката?

— Кто-то должен задавать вопросы, на которые ты отвечаешь нормально.

Я встала.

— Я позвоню Саймону.

— Сейчас.

— Я умею пользоваться телефоном без наблюдения.

— Вчера это привело к приезду полиции.

Я набрала номер и отошла к окну. Саймон ответил через несколько секунд.

— Нелл рассказала, что вы говорили.

— Я не поэтому звоню.

— Конечно.

— У тебя остались мои старые коробки с материалами?

— Какие именно?

— Вырезки, блокноты, копии документов. Всё, что было до первого переезда.

— Возможно, в хранилище.

— Мне нужно точнее.

— Я работаю.

— Ты дома.

— Работаю дома.

— Саймон.

— Зачем тебе старые документы?

— Полиция может заинтересоваться.

— Уже заинтересовалась?

— Пока книгой.

— Какой книгой?

— Не начинай.

Он помолчал.

— В хранилище есть шесть коробок с надписью «Архив».

Ты запретила их выбрасывать.

— Я запрещаю выбрасывать всё, что может однажды оказаться полезным.

— Именно поэтому у нас девять лет хранилась сломанная кофемолка.

— Она могла быть уликой.

— В каком преступлении?

— В нашем браке.

Саймон выдохнул.

— Я посмотрю вечером.

— Мне нужно сейчас.

— У меня встреча через двадцать минут.

— Отмени.

— Ты больше не распоряжаешься моим расписанием.

— Я никогда им не распоряжалась.

— И это ещё одна версия истории, которую знаешь только

ты.

— Полиция нашла рядом с телом Лии страницу из книги. В тексте есть детали старых документов. Возможно, оригиналы или копии помогут понять, кто их использовал.

На том конце стало тихо.

— Ты думаешь, человек, написавший книгу, получил доступ к твоему архиву?

— Возможно.

— То есть коробки могли понадобиться убийце?

Селия посмотрела на меня через комнату.

— Я не знаю.

— Где сейчас полиция?

— Уехала.

— Они забрали книгу?

— Да.

— Не трогай хранилище до разговора с адвокатом.

— Это мои документы.

— Если кто-то получал к ним доступ, ты уничтожишь следы.

— Неужели архитектор вспомнил о криминалистике?

— Неужели писательница забыла, как работают отпечатки?

— В моих книгах люди носят перчатки.

— В твоих книгах люди идиоты.

— Поэтому их ловят.

— Подожди до полиции.

— Тогда я никогда не узнаю, что там было.

— Может быть, это и есть причина, по которой ты хочешь пойти первой.

Я почувствовала, как Селия перестала листать планшет.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты сама знаешь.

— Нет. Объясни.

— Когда тебе страшно, ты пытаешься попасть к истории раньше остальных. Неважно, что там: статья, пожар, развод. Ты первой создаёшь версию, потому что потом все спорят уже с ней.

— Спасибо за бесплатный психоанализ.

— Он входил в брачный договор.

— Я перезвоню.

— Нелл хочет, чтобы ты не приезжала вечером.

— Знаю.

— Дай ей время.

— Ты решил использовать её против меня?

— Я пытаюсь не позволить тебе превратить чувство вины в неожиданный семейный визит.

Он отключился. Я опустила телефон.

— Копии могут быть у Саймона? — спросила Селия.

— Могут.

— Полиции нужно сообщить.

— Чарльз сообщит.

— Сейчас.

— Когда вернётся.

Она уже набирала его номер.

— Знаешь, иногда я понимаю Лию.

Я повернулась.

— Осторожнее.

— Я не о книге. О желании ударить тебя.

— За это люди обычно платят терапевтам.

Чарльз вернулся сам.

— Детектив Рид приглашает вас в участок к двум часам.

Официальное интервью.

— Я занята в два.

— Уже нет, — одновременно сказали он и Селия.

Я посмотрела на обоих.

— Вы прекрасно сработались.

— Есть ещё кое-что, — продолжил Чарльз. — Полиция просит доступ к вашим электронным устройствам и квартире для дополнительного осмотра.

— Просит?

— Пока добровольно.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не собираюсь добровольно отдавать им двадцать лет жизни, пока они даже не сообщили, как умерла Лия.

— Если откажемся, они получают ордер.

— Пусть получают.

— Отказ будет выглядеть...

— Как использование законного права.

Чарльз кивнул.

— Согласен.

Селия резко повернулась к нему.

— Пять минут назад вы говорили сотрудничать.

— Сотрудничать — не значит давать неограниченный доступ без перечня объектов и сроков.

— Тогда составьте перечень.

— Уже.

Мне нравилось, когда дорогие люди начинали оправдывать стоимость своих услуг. В дверь снова позвонили. На этот раз пришла Айрис. В одной руке ноутбук, в другой папка, под мышкой ещё один кофе.

— Я нашла типографию, — сказала она вместо приветствия.

Мы все посмотрели на неё.

— Быстро, — заметил Чарльз.

— Я звонила с шести утра.

Айрис поставила ноутбук на стол и открыла фотографию выходных данных.

— Издательства «Блэкривер Пресс» не существует, но знак внизу страницы взят из шаблона компании, которая печатает малые тиражи и авторские экземпляры. Логотип изменили, но исходная форма совпадает.

— Какая компания? — спросила Селия.

— «Меридиан Бук Сервис». Бруклин.

— Они подтвердили заказ? — спросил Чарльз.

— Нет. Сослались на конфиденциальность клиента. Я отправила официальный запрос от издательства.

— Полиция получит быстрее.

— Я уже передала детективу Рид название.

Я посмотрела на Айрис.

— Когда вы успели стать подругами?

— После того как она позвонила мне в семь утра и спросила, умею ли я подделывать подписи.

— И что ты ответила?

— Что умею лучше.

Селия прикрыла глаза.

— Пожалуйста, скажи, что ты пошутила.

— Нет. Я сказала, что много лет готовлю подписанные открытки и знаю, как выглядит подпись Мары. Потом уточнила, что никогда её не воспроизводила.

— Айрис, — сказал Чарльз, — дальше на любые вопросы полиции отвечаете только в моём присутствии.

— Хорошо.

— Что ещё? — спросила я.

Она развернула ноутбук ко мне.

— Книгу заказали не в одном экземпляре.

На экране была форма заказа без имени клиента. Часть данных закрыта, но в графе тираж стояла цифра. Двадцать пять.

— Откуда у тебя это?

— Сотрудник типографии прислал случайно, когда пытался доказать, что заказов с таким названием не было. Потом удалил письмо.

— Ты сохранила.

— Разумеется.

— Двадцать пять книг, — сказала Селия. — Где остальные?

Никто не ответил. Я смотрела на цифру. Один экземпляр оказался в телестудии. Из второго вырвали страницу и оставили рядом с телом. Оставалось двадцать три.

— Указана дата получения? — спросил Чарльз.

— Позавчера. Самовывоз.

— Камеры?

— Полиция уже запросила.

— Имя клиента?

— В форме стоит «А. Роуэн».

Лия. Или человек, который использовал её фамилию.

— Оплата? — спросила я.

— Предоплаченная карта.

— Адрес электронной почты?

— Создан месяц назад.

— Номер телефона?

— Одноразовый.

— Очень старательно.

Айрис кивнула.

— Есть ещё одна странность, — сказала Айрис. — Заказов оказалось два.

Она развернула журнал.

— Первый — на двадцать пять экземпляров. Файл загрузили за две-три недели до убийства. Размер — два целых восемь мегабайта.

— Второй?

— На восемь. Оформлен за несколько дней до смерти Лии. Три целых четыре мегабайта.

— Восемь из двадцати пяти, — повторила я.

— В заявке отдельно указано: повторить номера и обозначения получателей из первого комплекта.

— Значит, это не тираж исправили, — сказал Чарльз. — Заказали замену.

— Оба заказа с одного аккаунта, — продолжила Айрис. — «А. Роуэн». Та же предоплаченная карта, тот же одноразовый номер, та же анонимная почта.

— Откуда загружали файлы? — спросила я.

— Первый — из Портленда. Из сети редакторского агентства Лии. Второй — из Манхэттена.

— Точнее?

— Пока только район.

Я смотрела на две цифры. Два целых восемь. Три целых четыре. Лия писала книгу два года. Такую разницу в объёме не объяснить опечаткой или новой главой. Кто-то заказал восемь книг заново, под теми же номерами, что и у неё.

— Значит, это была не вторая редакция тиража. Он напечатал восемь замен.

Я посмотрела на окно. В городе находилось восемь миллионов человек. Всего несколько тысяч из них, вероятно, имели причину меня ненавидеть.

— Передайте всё полиции, — сказал Чарльз.

— Уже отправила, — ответила Айрис.

— И мне.

— Сейчас.

Селия закрыла планшет.

— Это меняет заявление.

— Каким образом? — спросила я.

— Мы можем сказать, что файл книги был изменён третьим лицом.

— Мы пока не знаем, кем.

— Поэтому скажем, что есть признаки несанкционированного вмешательства.

Чарльз покачал головой.

— Нет. Эта информация следственная. Публиковать нельзя.

— Через час её сольёт кто-нибудь из типографии.

— Тогда это будет не наша проблема.

— Любая информация с именем Мары — наша проблема.

— Полиция попытается восстановить первый файл, — сказал Чарльз.

— Полиция считает меня подозреваемой. У неё другие

приоритеты.

— Именно поэтому вы не будете самостоятельно взламывать сервер типографии.

— Я даже не умею.

Айрис посмотрела на меня.

— Зато знаешь людей.

— Вот почему я держу тебя рядом.

Селия сложила руки.

— Нет. Никаких самостоятельных расследований.

— Я собираюсь найти файл.

— Ты собираешься в участок.

— В два часа.

— До двух осталось четыре часа.

— Три с половиной, — поправил Чарльз.

— Время летит, когда тебя подозревают в убийстве.

Телефон на столе издал короткий сигнал. Новый адрес электронной почты.

Отправитель: Lia.Rowan@protonmail.com.

Я замерла. Айрис увидела имя на экране.

— Это она?

— Адрес из профессионального профиля.

Селия подошла ближе.

— Открой.

— Подождите, — сказал Чарльз. — Сначала зафиксируем экран.

Айрис сделала фотографию. Чарльз включил запись на те-

лефоне. Тема письма состояла из двух слов:

«До публикации».

Я открыла. Мара, к этому моменту книга уже у тебя. Я знала, что ты не признаешься в эфире. Ты слишком хорошо понимаешь цену одного неверного выражения лица. У тебя есть сорок восемь часов. После этого рукопись, документы и записи станут публичными. На этот раз ты не сможешь назвать правду вымыслом. Внизу стояла ссылка. Под ней ещё одна строка: Пароль — последнее слово, которое ты сказала мне восемнадцать лет назад. Селия прочитала письмо через моё плечо.

— Какое слово?

Я знала. Помнила гостиничный номер, закрытую дверь и Лию, стоявшую напротив меня с глазами, красными от бессонницы. Она спросила, смогу ли я жить с тем, что сделала. Я сказала:

— Успешно.

Это было последнее слово. Я ввела его. На экране появился таймер. Сорок один час, шестнадцать минут, девять секунд. Под таймером находилась надпись:

«Публикация запланирована».

— Что произойдёт, когда время закончится? — спросила Айрис.

— Судя по письму, всё станет публичным, — ответила Селия.

Чарльз наклонился к экрану.

— Ничего не нажимайте.

— Здесь нет кнопок.

— Ссылку нужно передать полиции.

— И техническому отделу, — сказала Айрис.

— Только через меня.

Я смотрела, как секунды уменьшаются. Сорок один час, шестнадцать минут, одна секунда. Сорок один час, шестнадцать минут ровно. Лия отправила письмо заранее. Возможно, ещё до эфира. Возможно, до того, как вошла в гостиничный номер, из которого уже не вышла. Она ожидала, что я получу книгу. Ожидала, что прочитаю. Ожидала, что узнаю пароль. Всё происходило по её плану. За исключением смерти.

— Письмо отправлено в семь утра, — сказала Айрис. — Автоматическая доставка.

— Лия уже была мертва, — произнесла Селия.

— Вероятно.

Чарльз сфотографировал заголовки письма.

— Мы передадим полиции. Они свяжутся с сервисом и попытаются остановить публикацию.

— Нет, — сказала я.

Все трое посмотрели на меня.

— Что значит «нет»? — спросила Селия.

— Нельзя останавливать.

— Там могут быть личные документы, обвинения, что угодно.

— Именно.

— Мара, через сорок один час интернет получит рукопись, которая уже связана с убийством.

— Если мы остановим публикацию, никогда не узнаем, что Лия собиралась выпустить.

— Полиция получит копию.

— Полиция получит то, что осталось на сервере. Второй файл книги загрузили из Нью-Йорка. Кто-то уже менял её материалы.

Чарльз закрыл ноутбук.

— Решение будет принимать следствие.

— Это письмо пришло мне.

— Оно является частью дела.

— Моя жизнь тоже стала частью дела. Я пока сохраняю право участвовать.

Селия посмотрела на меня с холодным раздражением.

— Ты опять делаешь это.

— Что именно?

— Думаешь о содержании раньше, чем о последствиях.

Я посмотрела на закрытый ноутбук.

— В данный момент содержание и есть следствие.

Чарльз убрал телефон.

— В два часа вы идёте в участок. До этого не открываете ссылку снова, не связываетесь с журналистами, не ищете сервер и не пытаетесь обойти защиту.

— Ещё запретите мне читать.

— Это единственное, что у вас получается слишком хорошо.

Он взял папку. Селия осталась стоять у стола.

— Когда мы закончим с полицией, ты поедешь ко мне.

— Зачем?

— Потому что возле твоего дома уже журналисты. И потому что человек, напечатавший двадцать пять книг, знает твой адрес, расписание и фотографии, которых нет в сети.

— В твоём доме окна хуже.

— Зато нет стены из стекла и бывшего мужа с кодом от лифта.

— Саймон не убийца.

— Я не говорила, что убийца.

Айрис подняла взгляд от телефона.

— В сети появилось новое фото.

Она повернула экран. На снимке была чёрная книга «Признание». Она лежала на деревянном столе рядом с чашкой кофе. Подпись гласила:

«Экземпляр номер три. Осталось двадцать два».

Аккаунт создали десять минут назад.

Имя пользователя:

АВТОР_НЕИЗВЕСТЕН.

Я смотрела на фотографию. Книга была не такой, как мой экземпляр. На правом нижнем углу обложки стояла маленькая белая цифра. 3. Мой экземпляр номера не имел. Страница возле тела, вероятно, была вырвана из другого.

— Кто-то начинает распространять их, — сказала Селия. Айрис обновила страницу. Появилась новая публикация.

Всего одна строка:

«До публикации каждый получит свою главу».

Телефон Селии зазвонил. Она посмотрела на экран и побледнела.

— Что? — спросила я.

Она молча показала сообщение. Фотография книги. Номер четыре. Книга лежала на столе в её кабинете.

Глава 5. Совпадение

Селия смотрела на фотографию книги так, будто та лежала не на столе в её кабинете, а на груди у мёртвого сотрудника.

— Позвони Монике, — сказала она Айрис.

— Уже звоню.

— Пусть ничего не трогает. Вообще ничего. Даже воздух возле стола.

— Воздух будет сложно изъять без участия полиции.

— Мара, пожалуйста, помолчи хотя бы минуту.

Я посмотрела на часы.

— Зафиксируй время начала.

Селия отвернулась. Айрис включила громкую связь. Моника ответила после первого гудка. Голос у неё дрожал так сильно, что слова приходилось собирать отдельно.

— Мисс Грант, я уже вызвала охрану. Книга была на столе, когда я открыла кабинет. Дверь была заперта.

— Кто заходил утром?

— Уборка. Потом я.

— Ты брала книгу в руки?

— Нет. Я увидела цифру и фотографию в сети. Сразу вышла.

— Камеры работают?

— Да.

— Кто-нибудь ещё видел?

— Двое из отдела маркетинга. Они стояли в коридоре.

Селия закрыла глаза. Двое сотрудников отдела маркетинга могли превратить секрет в международную кампанию ещё до обеда.

— Забери у них телефоны, — сказала она.

— Я не могу забрать личные телефоны.

— Тогда попроси.

— Они не отдадут.

— Уволь их.

Чарльз поднял голову.

— Не увольняйте свидетелей до разговора с полицией.

— Прекрасно. Сегодня все защищены законом, кроме меня.

— Моника, — вмешалась Айрис, — закрой кабинет, никого не впускай и сохрани записи с камер за последние сутки. Детектив Рид уже знает о книге.

— А если человек ещё в здании?

Селия посмотрела на входную дверь моей квартиры, словно только сейчас вспомнила, что стены не гарантируют отсутствие людей.

— Охрана проверит, — сказал Чарльз.

— Я не хочу, чтобы охрана проверяла, — отрезала Селия.

— Я хочу полицию.

— Она едет.

Моника отключилась. На фотографии книга лежала ря-

дом с клавиатурой. Номер четыре был напечатан в правом нижнем углу обложки. Не наклейка, не ручная пометка. Часть дизайна. Мой экземпляр номера не имел. Я увеличила снимок. Над цифрой виднелась тонкая белая надпись.

— Здесь что-то есть.

Айрис наклонилась к экрану.

— «Редакторская копия».

Селия выругалась.

— На твоей было что-нибудь подобное? — спросил Чарльз.

— Нет.

— Уверена?

— Я дважды снимала суперобложку.

Айрис открыла фотографию, которую сделала ночью. На моей книге номер отсутствовал. В нижнем углу стоял только знак вымышленного издательства.

— Возможно, твоя была авторской, — сказала она.

— Очень лестно.

— Тогда экземпляр возле тела мог быть вторым.

— А третий выложили в сеть, — добавил Чарльз. — Четвёртый оказался у Селии.

— Кто следующий? — спросила Селия.

Никто не ответил. Она взяла свой телефон и начала просматривать сообщения.

— Я отменяю все встречи. В офис сегодня никто не возвращается.

— Полиция может попросить вас приехать, — сказал Чарльз.

— Я приеду с вами.

— Вас пока никуда не приглашали.

— Книга лежит в моём кабинете.

— Это делает вас получателем посылки, а не частью защиты Мары.

Селия посмотрела на него холодно.

— Я часть защиты Мары последние шестнадцать лет.

— Возможно, именно поэтому вам лучше не участвовать в её допросе.

— Интервью, — поправила я.

— Пока интервью, — сказал Чарльз.

Он произнёс это спокойно, но я услышала предупреждение. Телефон Айрис зазвонил. Она посмотрела на экран.

— Детектив Рид.

Наоми не стала тратить время на приветствие.

— Мисс Лейн, мы получили информацию об экземпляре в офисе издательства. Сотрудники уже направлены туда. Никому не входить в кабинет.

— Мы предупредили.

— Мисс Грант рядом?

Селия забрала телефон.

— Здесь.

— Вы касались книги?

— Нет.

— Кто обнаружил?

— Моя помощница.

— Её имя и контакты передайте мисс Лейн. Нам понадобятся записи с камер, журналы доступа и список сотрудников, у которых есть ключи.

— Всё получите.

— Вы можете объяснить, почему отправитель назвал экземпляр редакторским?

— Нет.

— В книге, которую получила мисс Восс, были посвящения или пометки, связанные с вами?

Селия посмотрела на меня.

— Моё имя стояло в благодарностях.

— Только имя?

— Насколько мне известно.

— Мы изучим.

— Я хочу присутствовать при осмотре моего кабинета.

— Не рекомендую.

— Я не спрашиваю рекомендации.

Наоми выдержала паузу.

— В таком случае дождитесь сотрудников в приёмной. В кабинет не входить.

— Хорошо.

Селия вернула телефон Айрис.

— Я еду в офис.

— У вас через три часа допрос Мары, — напомнил

Чарльз.

— Я успею.

— Вы там не нужны.

— В моём кабинете лежит книга, которую, возможно, оставил убийца.

— Именно поэтому вы там не нужны.

Селия уже надевала пальто.

— Мара, в два часа ни слова без Чарльза. Никаких импровизаций, шуток и попыток перехватить разговор.

— Тогда полиции придётся довольствоваться погодой.

— Я серьёзно.

— Ты всегда серьёзна. Это одна из причин, по которым твоя фамилия ни разу не появилась в благодарностях с восклицательным знаком.

Она остановилась.

— Там есть глава обо мне?

— Я дошла только до середины.

— Значит, может быть.

— В книге есть главы обо всех, кого автор считает частью истории.

— А кем она считает меня?

— Человеком, который заработал на продолжении.

Селия посмотрела так, будто хотела возразить, но не нашла формулировки, которая звучала бы убедительно рядом с цифрами продаж.

— Я позвоню из офиса, — сказала она и вышла.

Дверь закрылась. Чарльз собрал документы в папку.

— Вам нужно поесть.

— Это юридический совет?

— Медицинский.

— Вы сменили специализацию?

— Мне не хочется объяснять детективу, почему клиентка потеряла сознание в комнате для допросов.

— Скажите, что это художественный приём.

Айрис открыла холодильник. Внутри стояли вода, сыр, половина лимона и контейнер с едой, которую она заказала мне три дня назад.

— У тебя нет ничего съедобного.

— Сыр.

— На нём плесень.

— Он таким родился.

Она достала контейнер, понюхала и выбросила.

— Закажу завтрак.

— Уже почти полдень.

— Тогда еду без временной идентичности.

Чарльз направился к двери.

— Я вернусь в половине второго. До этого не публикуете заявления, не связываетесь с Лией, её родственниками, сотрудниками отеля и типографией.

— Лия мертва.

— Хотя бы этот пункт будет легко выполнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.